Библиотека психоанализа

Тьерри Бокановски

Шандор Ференци

Библиотека психоанализа

Thierry Bokanowski

SÁNDOR FERENCZI

Presses Universitaires de France

Институт Психологии и Психоанализа
на Чистых прудах

Тьерри Бокановски

ШАНДОР ФЕРЕНЦИ

Перевод с французского
М. Н. Фусу

Москва
Когито-Центр
2013

УДК 159.9
ББК 88
Б 78

Тьерри Бокановски

Б 78 Шандор Ференци / Пер. с фр. – М.: Когито-Центр, 2013. – 178 с. (Библиотека психоанализа)

ISBN 2-13-048484-0 (фр.) УДК 159.9
ISBN 978-5-89353-402-3 (рус.) ББК 88

Книга о жизни и творчестве Шандора Ференци (1873–1933), одного из пионеров психоанализа, являвшегося учеником, пациентом, другом и доверенным лицом Зигмунда Фрейда, написана действительным членом Парижского психоаналитического общества, известным историком психоаналитического движения Тьерри Бокановски. На материале биографии и анализа плодотворной теоретической и клинической деятельности Ференци автор убедительно и всесторонне показывает его новаторский вклад в становление и развитие идей психоанализа. Приведенные в конце книги выдержки из ряда основных работ Ференци демонстрируют такие его отличительные черты, как смелость и оригинальность ума, отсутствие догматизма и поэтическое вдохновение.

ISBN 978-2-13-053795-3 (фр.)
ISBN 978-5-89353-389-7 (рус.)

Содержание

Актуальность идей Шандора Ференци

Современник Зигмунда Фрейда (1856–1939), являвшийся одновременно его учеником, пациентом, другом и доверенным лицом, Шандор Ференци (1873–1933) был не только выдающимся, но и, можно сказать, «исключительным» психоаналитиком. «Исключительным» в том смысле, что на протяжении всей своей деятельности в качестве практика и теоретика анализа занимал особое место как рядом с Фрейдом, так и в лоне психоаналитического общества, одним из самых активных и новаторски мыслящих членов которого он был: из всех своих современников он, без сомнения, был первым, кто указал направление развития для современной психоаналитической клинической практики.

Обладавший оригинальным, смелым и творческим умом, всячески старавшийся избежать

любого догматизма и таким образом сохранить полную самостоятельность мышления и действий, Ференци создал труды, которые сегодня производят наибольшее впечатление среди работ по психоанализу того времени, труды, навеянные и одухотворенные его неиссякаемым творческим воображением, настоящим поэтическим и эпическим вдохновением, и пронизанные блестящей интуицией автора.

Согласно мнению тех, кто мог поведать о его пути, и Фрейда в первую очередь, Ференци еще в начале своей карьеры психоаналитика, длившейся двадцать пять лет (1908–1933), сумел зарекомендовать себя как новатор, плодотворный теоретик и клиницист, обладавший редким талантом терапевта. Врач по образованию, длительное время, прежде чем стать психоаналитиком, практиковавший в Будапеште, он видел в терапевтической эффективности главное и безусловное требование психоаналитической этики. Стараясь осмыслить ограничения и «пределы», с которыми он сталкивался в некоторых сложных случаях лечения, Ференци, после более чем десяти лет аналитической практики, начинает уделять особое внимание психоаналитической технике.

Вскоре Ференци приходит к убеждению, что техника – непреложное дополнение теории – может и должна быть модифицирована, что ее нужно адаптировать и развивать в зависимости

от условий лечения. Встречающиеся в анализе пациентов трудности, которые связаны со сложными структурами личности и которыми ему, однако, нравится заниматься (серьезные расстройства характера, «как будто бы» личности, нарциссические структуры, «пограничные случаи» и т. д.), мало-помалу заставляют его задуматься над серией технических и теоретических понятий, которые лягут в основу изменения и развития ряда установленных прежде теоретико-практических параметров.

Так, в последние десять лет жизни Ференци продвигает идею, что для того, чтобы анализировать и прорабатывать определенные психические тупики, присущие лечению сложных случаев, аналитик, в зависимости от своих «контрпереносных» ощущений, должен стараться видоизменить некоторые аспекты классических аналитических рамок, в которых он находится, парадоксальным образом усилить поначалу травматическое для пациента «смешение языков». Поэтому он последовательно, в рамках этого подхода, пытался исследовать психические зоны, в которых символическое уже не действует, зоны, ответственные за препятствия и разрушение связей, за функционирование, рождающееся из психического.

Несмотря на то, что эти технические новшества и вытекающие из них теоретические понятия (особенно касающиеся травматизма и травматического), стали в последние годы жизни Ферен-

Шандор Ференци, 1925 г.

ци – между 1929 и 1933 гг. – причиной глубоких разногласий с Фрейдом, они явились поворотным моментом в истории некоторых ключевых концепций психоанализа, к которым сегодня прибегает любой психоаналитик как в теории, так и на практике.

В качестве примеров открытий Ференци можно привести следующие: понятие интроекции; полезность и значимость некоторых аспектов регрессии в психоаналитическом лечении; важность понимания психоаналитиком того, что надо поставить «работу» своего контрпереноса на службу лечения, откуда и необходимость для аналитика самому пройти анализ, и как можно более глубокий («второе фундаментальное правило анализа»); пути решения проблем, связанных с окончанием психоаналитического лечения; признание того, что отдельные пациенты во время анализа испытывают потребность в установлении примитивной симбиотической связи, откуда вытекает, что при понимании переноса особое внимание должно быть уделено ранним фантазмам мать – ребенок; значение среды и психических материнских импринтингов; метапсихологические проблемы, касающиеся связей и различий, которые следует установить между травматизмом, травматическим и травмой; расщепление «Я» и нарциссическое расщепление как последствия ранних психических травм; расщепление между мыслями

и телом (сомато-психическое расщепление); необходимость признать дисквалификацию аффектов и ощущений отдельных пациентов, порожденную травматической средой (материнское «безумие»); значимость первичной любви и первичной ненависти; признание ненависти как более сильного, нежели любовь, средства фиксации (любовь ненависти) и т. д.

Этот длинный перечень, лишь частично отражающий огромное клиническое и метапсихологическое поле, обработанное ученым, а также количество и сложность затронутых им проблем, позволяют нам ощутить актуальность его мышления. Увлеченный «границами анализа», как и «границами анализируемого», Ференци является пионером в длинном списке психоаналитиков, которые внесли свою лепту в появление новой клинической психоаналитики, нового слушания материала и нового видения лечения. Таким образом, мы вправе утверждать, что и в наши дни Ференци остается «современным психоаналитиком».

Жизнь, вписанная в скрижали психоаналитического движения

Мы мало знаем о детстве Шандора (Александра) Ференци, родившегося в Венгрии, в Мишкольце, 7 июля 1873 г. и ставшего в семье восьмым ребенком из двенадцати.

Его отец, Бернат Френкель – польский еврей, эмигрант – родился в Кракове в 1830 г. Воодушевившись венгерской национальной освободительной революцией 1848 г., он в возрасте 18 лет участвует в венгерском восстании против австрийского господства. Позже он переберется в Мишкольц, где станет управляющим, а затем владельцем книжной лавки, при которой откроет типографию, что позволит ему стать печатником и издателем. В 1879 г. он меняет свою фамилию Френкель на венгерскую – Ференци. В 1880 г. Бернат избирается председателем торговой палаты в Мишкольце. Умирает он в 1888 г., когда Шандо-

ру было пятнадцать лет. Семейные свидетельства говорят о том, что Шандор был любимым ребенком своего отца.

Мать Шандора Роза Эйбеншутц, родившаяся в 1838 г. и вышедшая замуж в 1858 г., после смерти мужа берет руководство лавкой и типографией в свои руки и управляет ими весьма успешно.

Очевидно, благодаря профессии и культурным запросам отца, детство Ференци проходит в мотивирующей интеллектуальной семейной атмосфере, из которой он извлекает пользу: отлично учится в протестантском колледже родного города, в отрочестве пишет поэмы в стиле Гейне и пробует сеансы гипноза. По окончании колледжа едет в Вену изучать медицину и в 1894 г. получает диплом врача. После службы в австро-венгерской армии обосновывается в Будапеште. Начиная с 1897 г. работает врачом в отделении для проституток госпиталя св. Роха, затем в 1900 г. устраивается в отделение неврологии и психиатрии приюта для бедных св. Елизаветы, а в 1904 г. – в кооперативный фонд социального обеспечения нетрудоспособных. В 1905 г. Ференци становится экспертом при трибуналах и покидает эту должность в самом начале войны 1914–1918 гг. В 1900 г. он открывает собственный кабинет и начинает практиковать как врач общего профиля и невропсихиатр.

Еще до своей первой встречи с Фрейдом, состоявшейся в начале 1908 г., Ференци публикует ряд

статей, в которых проявляется его рано возникший интерес к проблемам психического характера и невротическим заболеваниям: «Сознание и развитие» (1900), «Любовь к науке» (1901), «Женская гомосексуальность» (1902), «Свинцовая энцефалопатия» (1903), «Терапевтическое значение гипноза» (1904), «О неврастении» (1905), «Промежуточные сексуальные состояния» (1905) и «О лечении гипнотическим внушением» (1906).

Просвещенный, обладавший широкими вкусами и взглядами, необыкновенно любознательный, отличавшийся «беспокойным» умом, Ференци позже определит сам себя как человека, чья чувствительность, стойкая личность и желание «заботиться о другом» помогают ему быстро накапливать значительный медицинский, психиатрический и терапевтический опыт. Ференци прочитал Фрейда и Брейера еще в двадцатилетнем возрасте, но, как он рассказывает впоследствии, ни одна из их работ не привлекла его внимания: «Еще в 1893 г. я прочел статью Фрейда и Брейера о психическом механизме истерических феноменов; затем позже – частное сообщение, в котором показывалось, что сексуальные травмы детства являются источником психоневрозов»[1]. Должен был возникнуть интерес к хронометрическим ассоци-

1 *Les névroses à la lumière de l'einseignement de Freud et la psychanalyse*. Psychanalyse I. 1968. P. 20.

ативным методам Юнга и побуждение со стороны одного коллеги, Филиппа Штейна, чтобы Ференци перечитал Фрейда, особенно его *Толкование сновидений,* и чтобы «на сей раз энтузиазм сразу же охватил его»[2].

Когда Ференци просит Фрейда о встрече и тот отвечает ему согласием, предлагая приехать в Вену в воскресенье 2 февраля 1908 г. Фрейд как раз вышел из своей «великолепной изоляции». С 1904 г. по средам вокруг него регулярно собирается на вечерах Психоаналитического общества довольно большая группа учеников и последователей. К этой группе в 1907 г. присоединяются Карл Абрахам, Макс Эйтингон и Карл Густав Юнг; в 1908 г. – Абрахам Арден Брилл, Шандор Ференци, Эрнест Джонс и Виктор Тауск[3].

Эта встреча определила все. Майкл Балинт пишет, что Фрейд «очевидно был так впечатлен Ференци, что пригласил его сделать доклад на Первом психоаналитическом конгрессе в Зальцбурге, в апреле 1908 г. и – неслыханное дело – вновь встретиться в Берхтесгадене, где семья Фрейда должна была провести летние каникулы»[4]. Эрнест Джонс

---

2 E. Jones (1961). *La vie et l'oeuvre de Sigmund Freud*. T. II. PUF, 1961. P. 37.

3 E. Jones, *op. cit.* (1961). P. 9.

4 M. Balint (1964). *Préface à: S. Ferenczi.* Psychanalyse I. Paris, Payot, 1968. P. 9.

добавляет: «Ференци вскоре должен будет стать одним из его лучших друзей»[5]. С этого момента и до смерти в 1933 г. биография Ференци неотрывна от очень тесной связи, которую он поддерживает с основателем психоанализа, и она совпадает с историей психоаналитического движения, одним из лидеров которого он немедленно становится. Сегодня мы можем проследить эту историю день за днем по переписке Фрейда и Ференци, насчитывающей около 1250 писем[6]. Эта переписка является одним из самых ценных свидетельств о частной жизни этих людей, которыми мы располагаем. Сравнивая ее с другой корреспонденцией Фрейда, Джонс пишет, что письма, адресованные Ференци, «куда более интимны»[7].

Уже с начала переписки Ференци полностью охвачен мощным и идеализирующим переносом на Фрейда, который, как мы знаем, никогда не оставлял своих собеседников равнодушными. Этот массированный перенос дублируется быстрым переносом на психоанализ и свод его законов, неотделимых в то время от личности Фрейда. Выдающееся умение Ференци мгновенно, полностью

---

5 E. Jones, *op. cit.* (1961). P. 37.

6 S. Freud–S. Ferenczi. *Correspondance 1908–1914; Correspondance 1914–1919; Correspondance 1920–1933.* Paris, Calmann–Levy, 1992, 1995, 2000.

7 E. Jones, *op. cit.* (1961). P. 166.

и с выгодой для себя использовать фрейдовскую «закваску» – достаточно вспомнить его «ход мастера», статью, озаглавленную «Перенос и интроекция», написанную на следующий год после встречи с Фрейдом, – сразу же подкупает Фрейда. С того самого времени между нашими героями устанавливается исключительно плодотворная связь.

Став настоящим «ударом молнии», их встреча подкрепляется общей точкой зрения на многие проблемы и общими интересами. Фрейд очень быстро открывает в Ференци большие предпосылки стать в психоанализе как практиком, так и теоретиком первой величины и видит в нем одного из тех, кто готов вступить в бой ради Дела (die Sache). Ференци же, со своей стороны, обретает во Фрейде «отца», который не побоится опереться на «сына» и сможет выдержать все этапы его борьбы за самоутверждение и независимость.

Между тем полный энтузиазма Ференци, по своему характеру человек чувствительный, благородный, жаждущий признания и доброты, очень спонтанный в своих порывах, сталкивается иногда с отсутствием взаимности со стороны Фрейда. Тот хотя и общителен и нежен с ним, но часто укрывается за своей серьезностью и таким образом навязывает определенную дистанцию, лишь увеличивающуюся оттого, что он пытается найти в Ференци «сына», который был бы хоть иногда менее чувствительным и более независимым. Эта

разница в контроле над своими чувствами, тесно связанная со способами их мышления, послужила причиной некоторых трудностей, которые в различные периоды омрачали их отношения.

Уже в апреле 1908 г. Ференци представляет свою работу «Психоанализ и педагогика» на Первом международном психоаналитическом конгрессе в Зальцбурге (Австрия). Фрейд в течение пяти часов говорит здесь о лечении «Раттерманна», человека с крысами. Были и другие сообщения, в том числе доклад Юнга о ранней деменции. Лето Ференци проводит с Фрейдом в Берхтесгадене.

В 1909 г., в конце лета, Ференци едет в Америку с Фрейдом, который приглашен туда Стенли Холлом, президентом Университета Кларка в Ворчестере (штат Массачусетс), чтобы прочитать курс лекций по случаю 20-й годовщины университета[8]. Во время плавания на судне «Джордж Вашингтон» Фрейд, Ференци и Юнг анализируют свои сновидения. После возвращения из поездки тон писем между Фрейдом и Ференци становится очень теплым, что говорит о тесной близости между ними. Тогда же Фрейд признается Ференци, который поздравил его с бракосочетанием старшей дочери Матильды и Роберта Холличера, что предыдущим

---

[8] S. Freud (1909). *Cinq leçons sur la psychanalyse.* Trad. Y. Le Lay. Paris, Petite Bibliothèque Payot, 1965.

летом в Берхтесгадене ему хотелось, чтобы счастливым избранником был Ференци. В конце года Ференци публикует работу *Перенос и интроекция*.

В 1910 г. в Нюрнберге (Германия) состоялся II Международный психоаналитический конгресс. Юнг становится первым председателем Международной психоаналитической ассоциации, создать которую предложил Ференци, что дало ему возможность представить в ее рамках доклад *Об истории психоаналитического движения,* опубликованный на следующий год.

В августе Фрейд и Ференци едут путешествовать во Флоренцию, Рим, Неаполь, Палермо и Сиракузы. Это та поездка, в ходе которой происходит «инцидент», названный «палермским». Этот эпизод останется на последующие двадцать лет важной вехой, к которой они будут часто обращаться в трудные моменты их отношений. Более чем трехнедельный совместный отдых принес разочарование обоим. Письмо от 24 сентября 1910 г., адресованное Фрейдом Юнгу, свидетельствует об этом: «Мой спутник – человек, к которому я сильно привязан, но какой-то неловко мечтательный и с инфантильным отношением ко мне. Он все время восхищается мной, что мне совсем не нравится, и непроизвольно безапелляционно критикует меня, когда я позволяю ему это делать. Он обиделся весьма чувствительно, но пассивно: повел себя как женщина – делайте со мной, что

хотите, – но моя гомосексуальность все же не достигает той степени, чтобы принять его таким. Ностальгия по настоящей женщине резко усиливается в подобных путешествиях»[9]. Джонс комментирует инцидент следующим образом: «На Сицилии <…> Ференци проявил себя в повседневной жизни угрюмым, закомплексованным и неуравновешенным. <…> Ференци был одержим неутолимой, чрезвычайной жаждой любви своего отца. <…> В дружбе его требования не имели границ. Ему нужно было, чтобы между ним и Фрейдом не было ни излишнего любопытства, ни секретов. Конечно, он не мог открыто выразить это чувство, но с некоторой надеждой ждал, что Фрейд сделает первый шаг»[10]. После возвращения, на неоднократные извинения Ференци Фрейд отвечает письмом от 6 октября 1910 г.: «Я больше не нуждаюсь в полном раскрытии личности, что вы не только заметили, но и осознали, и вы очень верно дошли до травматической первопричины этой ситуации. Так почему же вы так упорствуете? Со времен случая с Флисом, от которого, как вы видели, я старался отойти, во мне исчезла эта необходимость. Часть гомосексуальной инвестиции была изъята и использована для роста моего собственного Я.

---

9 S. Freud–C. G. Jung. *Correspondance II* (1910–1914). Trad. Gallimard, R. Fivaz-Silbermann. 1975. P. 92.

10 E. Jones, *op. cit.* (1961). P. 86.

Я добился успеха там, где параноик терпит поражение». Этот инцидент не помешает им в дальнейшем проводить каникулы вместе.

В 1911 г., на Пасху, Ференци присоединяется к Фрейду в Больцано, чтобы помочь ему снять дачу на лето. В августе он проводит с семьей Фрейда две недели в Доломитовых Альпах. 21 и 22 сентября в Веймаре (Германия) проходит III Международный психоаналитический конгресс. Ференци выступает с историческим докладом о гомосексуальности: «Гомоэротизм: нозология мужской гомосексуальности». На этом же конгрессе Фрейд высказывает свои соображения о Шребере.

В конце года происходит значительное событие, которое определит большую часть отношений между Фрейдом и Ференци в течение 1912 г. и в последующем. С 1904 г. Ференци встречается с замужней женщиной Жизеллой Палош, матерью двух дочерей – Эльмы и Магды (последняя выйдет замуж за одного из младших братьев Ференци, Лайоша). Связь с Ференци остается более или менее скрытой, так как муж Жизеллы Геза Палош не соглашается дать ей развод. Жизелла на восемь лет старше Ференци и больше не может иметь детей. Эльма – молодая девушка, имеющая много воздыхателей, но непостоянная в своих чувствах. Жизелла обеспокоена аффективной нестабильностью дочери, и Ференци, чтобы помочь ей, решается в июле 1911 г. провести с Эльмой

анализ. Через несколько месяцев Ференци признается Фрейду в «крахе» своей аналитической нейтральности в отношении молодой пациентки, с которой он вступил в любовную связь. Ференци, будучи в большой растерянности и смущении, хочет выйти из этого тупика и обращается к Фрейду, чтобы тот согласился взять Эльму в анализ, и Фрейд, вначале не решающийся, в конце концов соглашается.

1912-й стал годом, когда их дружба подверглась тяжкому испытанию из-за колебаний и бесконечной нерешительности Ференци в выборе между Эльмой и Жизеллой, притом что последняя была готова пожертвовать собственным счастьем ради счастья дочери. Запутанность и сложность ситуации заставляют Ференци выразить в письме от 8 марта 1912 г. предположение, что трудности прямо связаны с его бессознательным враждебным отношением к Фрейду: «Вы были правы, сказав мне во время моей первой поездки в Вену, где я раскрыл перед вами мои матримониальные намерения, что заметили на моем лице то же вызывающее выражение, которое было у меня в Палермо, когда я отказывался работать с вами».

Фрейд проводил анализ Эльмы в течение трех месяцев, с января до конца марта 1912 г. Затем Ференци, чтобы проверить глубину чувств Эльмы к нему, вновь берет ее в анализ с конца апреля

по август. И в момент, когда он смог принять подсказанную Фрейдом интерпретацию своего «материнского комплекса», Ференци рвет свою связь с Эльмой, как аналитическую, так и чувственную. Вскоре она выходит замуж за американца по имени Лорвик. Но это не означает, что Ференци избавился от нерешительности и затягивания вопроса относительно Жизеллы, чей возраст не перестает его смущать и на которой он все-таки женится в 1919 г. Семья Ференци никогда полностью не выйдет из этого кризиса: Жизелла, чье сердце было ранено, всегда будет разрываться между любовью к Ференци и материнской любовью.

В январе 1912 г., в момент, когда чувства Ференци сильно потревожены, начинается история с Юнгом и нависает угроза больших разногласий с последним. Фрейд пишет Ференци в письме от 23 января 1912 г.: «Перспектива всю свою жизнь делать все самому и не оставить после себя по-настоящему достойного преемника не слишком утешительна. <…> Сейчас я вновь надеюсь на вас и со всей уверенностью полагаю, что вы оправдаете эти мои надежды». На предложение подумать о том, чтобы однажды заменить Юнга в качестве официального преемника, Ференци, под влиянием личных неурядиц, отвечает, что пока для этого не годится. Проходит год, тучи над головой Юнга сгущаются – по мнению Фрейда, он стал *meschugge* («чокнутый», «сумасшедший» на идиш). Гром

разразился в конце 1912 г. в связи с одним письмом, адресованным Юнгом Фрейду, в котором он упрекает последнего, что тот обращается со своими учениками, как с пациентами, и что самоанализ не помог ему избавиться от невроза.

В июле Джонс с целью сохранения научного наследия Фрейда приступает к созданию «Тайного комитета», который объединит в себе Ференци, Абрахама, Ранка, Закса, Джонса. Узнав об этом, Фрейд пишет Джонсу: «Признаюсь, мне было бы легче жить и умереть, зная, что существует сообщество, способное защитить мои труды»[11]. Комитет собирается на следующий год и избирает Джонса председателем.

19 мая 1913 г. рождается венгерская группа психоанализа, во главе которой становится Ференци. 25 мая, на первом заседании Комитета, Фрейд вручает каждому члену перстень. В течение июня и июля Джонс живет в Будапеште и проходит анализ у Ференци. В этот период напряжение между Фрейдом и Юнгом возрастает. В августе Фрейд знакомится с матерью Шандора Ференци.

В сентябре в Мюнхене (Германия) под председательством Юнга проходит IV Международный психоаналитический конгресс. Это последний конгресс с участием Юнга, который на следующий год разрывает связи с Фрейдом и покидает пост

---

[11] E. Jones, *op. cit.* (1961). P. 163.

председателя. Фрейд просит Ференци написать критическую статью на работу Юнга *Метаморфозы и символы либидо* – статья выйдет в том же году.

В апреле 1914 г. Карл Абрахам становится председателем Международной психоаналитической ассоциации. В том же году Мелани Кляйн, которая жила со своим мужем в Будапеште с 1910 г., начинает свой личный анализ у Ференци.

Вступление Австро-Венгрии в Первую мировую войну дает Ференци в октябре 1914 г. возможность, в ожидании мобилизации как военного врача, пройти свой анализ у Фрейда в течение трех недель, по два сеанса в день.

Период войны способствует исключительному сближению этих двух людей. Возникшая изоляция Фрейда естественным образом заставляет его общаться со своим венгерским последователем и другом более часто, поскольку все эти годы общение с психоаналитиками, живущими за пределами стран Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия), не представлялось возможным. Кстати, этот период, мрачный и депрессивный со многих точек зрения, не мешает творческой деятельности и не снижает продуктивности Фрейда, который без всяких оговорок делится своими идеями с Ференци, а тот, в свою очередь, переводит работы Фрейда на венгерский язык, знакомит его с проектами своих работ и посылает ему свои статьи.

1915-й – год большого творческого подъема обоих корреспондентов. Фрейд пишет двенадцать статей по метапсихологии для включения в объемной труд, который, впрочем, никогда не был издан, – Фрейд опубликовал лишь шесть статей, в то время как Ференци, в гарнизоне в Папа, куда Фрейд приезжает в октябре 1915 г., чтобы провести с ним две недели, закладывает первые основы своей знаменитой «филогенетической фантазии» *Таласса,* которая будет опубликована в 1924 г. В том же году Фрейд начинает читать в Вене *лекции по введению в психоанализ.*

В 1916 г. Ференци, все еще не находя выхода из своих любовных проблем, возобновляет в июне – июле свой анализ с Фрейдом, который продлится более трех недель, затем, в начале октября, будут еще две недели анализа. В конце этого нового курса Ференци по-прежнему не видит разрешения своих конфликтов. Он спрашивает Фрейда, не думает ли тот, что стоит продолжить анализ; ответ Фрейда в письме от 16 ноября 1916 г. безапелляционен: «Вы знаете, что я считаю вашу попытку анализа прерванной – прерванной, а не законченной»[12].

В конце года Фрейд предлагает Ференци – и тот соглашается – написать совместно статью,

---

[12] Даже притом что и Фрейд, и Ференци признали, что анализ Ференци стал благоприятным опытом, известно, что у последнего никогда так и не появилось чувства, что он добился всех желаемых результатов.

даже книгу, о *Ламарке и психоанализе.* В этот период у Ференци выявляются разные симптомы соматического характера, которые он связывает с ипохондрией, но постоянная тахикардия приводит его к мысли о том, что он болен базедовой болезнью.

С января по апрель 1917 г. Ференци проходит лечение в санатории в Земмеринге.

После выздоровления и возвращения в Будапешт он организует летний отдых с Фрейдом в Венгрии (на Чорбе). Ференци, Жизелла и чета Фрейдов отдыхают там в июле.

В 1918 г., на следующий день после перемирия, вновь воссоздаются Венгерская и Международная психоаналитические ассоциации. V Международный психоаналитический конгресс проходит в Будапеште (Венгрия) 28 и 29 сентября 1918 г. На нем Ференци избран председателем Международной психоаналитической ассоциации. По совету Фрейда и в связи с международной политической обстановкой на следующем конгрессе Ференци уступает председательство Джонсу. В декабре в Будапеште, в рамках Венгерской психоаналитической ассоциации, Ференци читает публичную лекцию, которая кладет начало длинной серии работ по технике: «Психоаналитическая техника».

В течение 1918 и 1919 гг. Фрейд и Ференци постоянно пишут друг другу о состоянии здоровья Антона (Тони) фон Фрейнда, больного раком. Старый венгерский пивовар и меценат, обращен-

ный в психоаналитическую веру, сумел своим сочувственным отношением привлечь к себе Ференци и Фрейда.

1 марта 1919 г. Ференци женится на Жизелле Палош. В тот же день Геза Палош, с которым Жизелла развелась более полугода назад, умирает от сердечного приступа.

Происходящая в Венгрии в конце марта 1919 г. революция беспокоит Ференци, но при этом она предоставляет ему возможность преподавать в Будапештском университете, так как его студенты подписали петицию о создании курса психоанализа. Все же во время контрреволюции («белый террор») в августе 1919 г. он вынужден прекратить курс, так как приходит открытый антисемитизм, начинаются незаконные аресты и массовые экзекуции.

В январе 1920 г. весть о смерти Антона фон Фрейнда глубоко огорчает Ференци и Фрейда. VI Международный психоаналитический конгресс проходит в сентябре в Гааге (Голландия). Ференци, председатель, выступает с сообщением: «Дальнейшее построение „активной техники“ в психоанализе».

Во вступительном слове Ференци выражает удовлетворение по поводу «непоколебимой прочности» международного психоаналитического движения, поскольку в конгрессе участвуют американские, английские, австрийские, немецкие,

голландские, венгерские, польские и швейцарские психоаналитики.

В этом же году появляется и первый номер *International Journal of Psychoanalysis,* который начинается с открытого письма Ференци.

В августе 1921 г. Ференци решает встретиться с Гроддеком, с которым проводит время в качестве «коллеги, а также пациента» в его санатории в Баден-Бадене. В сентябре он едет с Фрейдом и со всеми членами Комитета в Гарц.

На Рождество 1921 г. Ференци посылает Гроддеку длинное, полное самоанализа письмо, в котором вспоминает свое детство, прожитое в отсутствии нежности и в слишком большой материнской строгости, а также «палермский инцидент» и говорит о своем промедлении с написанием «большой и даже „грандиозной“ теории генитального развития как реакции животных на опасности перехода к жизни на суше»[13].

В январе 1922 г. Ференци, проходя анализ у Фрейда, читает в Вене две публичные лекции для английской и американской аудитории, обучающейся психоанализу, из которых одна была о *Метапсихологии* Фрейда. В конце февраля он посылает письмо Гроддеку, в котором пишет: «Проф. Фрейд нашел один или два часа, чтобы за-

---

[13] Ferenczi–Groddeck. *Correspondance* (1921–1933). Trad. Groupe de trad. du Coq-Héron. Paris, Payot, 1982. P. 58–59.

няться моим состоянием; он придерживается мнения, выраженного им ранее, будто главный элемент во мне – ненависть *к нему,* к нему, который (как мой отец когда-то) помешал моей женитьбе на более молодой невесте (в настоящее время моей падчерице). Отсюда все мои губительные намерения по отношению к нему, приводящие к ночным сценам смерти (переохлаждение, хрипы…). <…> Должен признать, что мне очень помогло то, что я смог хоть один раз поговорить об этих побуждениях ненависти лицом к лицу с моим столь любимым отцом».

В августе Ференци проводит каникулы в Зеефельде (Тироль) с семьей Ранков. VII Международный психоаналитический конгресс проходит в сентябре в Берлине (Германия): Фрейд развивает некоторые основные темы книги *Я и Оно,* которую опубликует на следующий год; Ференци представляет *Талассу,* Мелани Кляйн – «Ранний анализ», а Карл Абрахам – эссе о маниакально-депрессивном психозе. На этом конгрессе Фрейд вносит предложение учредить премию за работу о «связях аналитической техники с аналитической теорией» для того, чтобы оценить, «до какой степени техника влияет на теорию и в какой мере обе благоприятствуют либо вредят друг другу».

1923-й – год, когда у Фрейда обнаруживают рак челюсти. Это и год пятидесятилетнего юби-

лея Ференци, которому Фрейд воздает должное, написав статью «К пятидесятилетию Ш. Ференци».

В июле, во время каникул, проведенных вместе в Клобенштейне (Тироль), Ференци и Ранк завершают работу над книгой *Перспективы психоанализа,* опубликованную в 1924 г. Известие о ее выходе в свет вызвало в Комитете большой шум по двум причинам. Первая была связана с существованием договоренности о том, что члены Комитета издают свои работы только с согласия всего Комитета в целом, – в данном же случае «книга вышла без того, чтобы кто-нибудь из членов Комитета, кроме Фрейда, был об этом проинформирован»[14]. Вторая причина сводилась к тому, что выдвигаемые авторами тезисы вызвали у некоторых из членов Комитета, особенно у Абрахама и – в меньшей степени – у Джонса, ощущение опасного отступничества.

В том же году Ранк публикует *Травму рождения.*

2 января 1924 г., на вечере Психоаналитического общества в Вене, Ференци представляет книгу, написанную вместе с Ранком. После этого Фрейд пишет Ференци, что «он не во всем согласен с содержанием книги»[15]. Ференци в очень длинном

---

[14] E. Jones (1957). *La vie et l'oeuvre de Sigmund Freud.* T. III. PUF, 1969. P. 62.

[15] E. Jones, *op. cit.* (1969). P. 63–64.

письме от 22 января отвечает, что чувствует себя «разбитым» после такой оценки. В ответ на это Фрейд пишет 4 февраля: «Что касается вашего желания пребывать в совершенном согласии со мной, то это трогает меня как выражение дружбы, но думаю, что такая цель не является ни желательной, ни легкодостижимой. <…> Почему вы считаете, что у вас нет права попытаться увидеть, что дела, возможно, обстоят иначе, чем предполагал я?». 15 февраля Фрейд, пытаясь уладить споры, адресует членам Комитета циркулярное письмо, претендующее на то, чтобы успокоить и примирить их.

Вопреки разногласиям внутри Комитета, VIII Международный психоаналитический конгресс, проходивший с 21 по 23 апреля в Зальцбурге (Австрия), обходится без неприятных инцидентов. Ференци предлагает кандидатуру Абрахама на пост председателя.

В этом же году Фрейд лелеет замысел (который никогда не будет осуществлен), чтобы Ференци переехал жить в Вену: «Он бы стал директором клиники и, возможно, нового института; вместо Ранка он заменил бы Фрейда в качестве председателя Венского общества»[16].

1924-й – год публикации *Талассы, эссе о теории генитальности,* которую Ференци «вынашивал» девять лет (1915–1924).

---

[16] E. Jones, *op. cit.* (1969). P. 63–64.

IX Международный психоаналитический конгресс проходит в Бад-Гомбурге (Германия) со 2 по 5 сентября. Анна Фрейд, делегированная своим больным отцом, выступает там с докладом на тему «Несколько психологических последствий анатомического различия полов». На этом конгрессе возникают серьезные разногласия между европейскими и американскими психоаналитиками в связи с анализом, практикуемым «не-медиками» (профанный, или мирской анализ).

В октябре *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse* печатает хвалебную рецензию Александера на эссе *Таласса,* о которой Фрейд заявляет, что прочел ее «с особым удовольствием».

В конце года Абрахам умирает от абсцесса легкого.

В феврале 1926 г. Ференци предлагает Фрейду, который страдает тахикардией, взять его в анализ. Фрейд, тронутый этим предложением, благодарит его и добавляет в письме от 27 февраля: «Возможно, все вызвано психологическим мотивом, но я очень сомневаюсь, что его можно проконтролировать анализом, и потом, когда нам семьдесят, разве мы не имеем право немного отдохнуть?».

В мае Эйтингон, Ференци, Джонс, Закс посещают Фрейда в связи с его семидесятилетним юбилеем. В августе Ференци проводит неделю с Фрейдом в Земмеринге.

В сентябре Ференци на восемь месяцев уезжает в Соединенные Штаты. 9 декабря он выступает на годовом собрании Общества клинической психиатрии в Нью-Йорке с докладом «Фантазмы Гулливера». 26 декабря читает доклад на зимнем собрании Американской психоаналитической ассоциации.

В этом же году Ференци публикует «Противопоказания к активной технике».

В январе 1927 г. Ференци вступает в конфликт с аналитиками из Нью-Йорка, ибо хочет, чтобы американские «немедицинские» психоаналитики были признаны Международной ассоциацией как Независимое общество. Конфликт обостряется из-за того, что создается впечатление, будто он предпочитает подготовку «немедицинских» психоаналитиков в ущерб «аналитикам-медикам»: он проводит 25 семинаров с первыми и 20 со вторыми.

Соединенные Штаты Ференци покидает 2 июня в обстановке разрыва отношений. По возвращении в Европу он посещает Лондон, где его принимает Джонс. 13 июня 1927 г. на совместном заседании секций медицины и педагогики Британского психологического общества он представляет доклад «Адаптация семьи к ребенку». Летом гостит у Гроддека в Баден-Бадене, затем – в Берлине, где встречается с Эйтингоном.

В сентябре в Инсбруке (Австрия) проходит X Международный психоаналитический конгресс,

во время которого разногласия, связанные с «аналитиками медиками» и «аналитиками не медиками», углубляются. Ференци выступает здесь с докладом «Проблема конца анализа». После конгресса члены Комитета решают изменить структуру последнего: Эйтингон становится председателем, Джонс и Ференци – вице-председателями, а Анна Фрейд – секретарем.

На обратном пути в Будапешт Ференци навещает Фрейда, который чувствует себя обиженным на то, что, вернувшись из Америки, Ференци так долго медлил с визитом. К тому же у него создается впечатление, что Ференци относится к нему слишком сдержанно, что заставит Джонса заметить, что «это был первый знак его постепенного отдаления от Фрейда»[17]. Все же, вернувшись в Будапешт, Ференци пишет Фрейду 2 октября: «Ни время, ни многочисленные бури, свирепствующие вокруг нас, никак не смогут поколебать прочно соединяющие нас отношения, личные и научные», на что Фрейд 25 октября отвечает: «С 1909 года мы проделали вместе долгий путь, всегда шагая рука об руку, и так будет и дальше на той короткой дистанции, которую нам остается преодолеть».

В феврале 1928 г. Ференци инициирует цикл лекций в рамках Венгерского психоаналитического общества и выступает с докладом «Гибкость

[17] E. Jones, *op. cit.* (1969). P. 153.

аналитической техники». В апреле он посещает Фрейда в Вене и 30-го числа представляет в Ассоциации прикладной психологии свою работу «Психоанализ и криминология».

В июле он наносит визит Фрейду в Земмеринге, а в сентябре дежурит у его постели в Берлинской клинике Тегеля, где тот находится по поводу операции и изготовления профессором Шредером нового протеза для челюсти.

В октябре Ференци путешествует по Испании (Мадрид, Толедо). В Мадриде он представляет работу *Процесс психоаналитического обучения*.

В январе 1929 г. группа «не-медицинских» аналитиков, образованная Ференци в Нью-Йорке, распадается сама по себе.

В июне Ференци посещает Фрейда. После этого визита Фрейд пишет Ференци: «Вы, безусловно, в эти последние годы отдалились от меня. Но, надеюсь, не настолько, чтобы движение к созданию оппозиционного анализа стало со стороны моего Паладина и тайного Великого Визиря угрожающим».

В августе на XI Международном психоаналитическом конгрессе в Оксфорде (Великобритания) Ференци делает доклад *Принцип релаксации и неокатарсис,* в котором он говорит: «Дискутируя с Анной Фрейд о некоторых моих технических приемах, я получил от нее следующее весьма справедливое замечание: „Вы обращаетесь с пациентами

так, как я обращаюсь с детьми в детском анализе“. Пришлось с этим согласиться».

В письме к Фрейду от 25 декабря Ференци пишет: «Я настроен на <…> исследование и, оставив все личные амбиции, я с удвоенным любопытством окунулся в изучение моих случаев <…>. Недавно приобретенный опыт (хотя и восходящий в главном к давно известным вещам) естественно отражается на характере техники. Некоторые слишком строгие меры следует смягчить, но не терять совсем из виду их побочную воспитательную цель <…>».

Ференци публикует эссе *Таласса* в венгерском варианте, с модифицированным заглавием: *Катастрофы в развитии генитального функционирования. Психоаналитическое исследование.*

После встречи с Фрейдом в начале 1930 г. Ференци пишет ему в письме от 17 января: «В отношениях между вами и мной речь идет (по крайней мере, с моей стороны) о запутанности разных эмоциональных и позиционных конфликтов. Вы с самого начала были моим высокочтимым мастером и недостижимым идеалом, к которому я культивировал в себе чувства ученика – всегда, как известно, смешанные. Потом вы стали моим аналитиком, но неблагоприятные обстоятельства не позволили довести анализ до конца. О чем я всегда сожалею, так это о том, что в анализе вы не ощутили во мне и не довели до отреагирования негативные чувст-

ва и фантазмы, частично перенесенные. Известно, что ни одному аналитику, даже мне, со всеми моими годами опыта, приобретенного с другими, это не удается без какой-либо помощи. Для этого позже понадобился очень тяжелый, скрупулезный аутоанализ. Конечно, это было связано и с тем, что я смог отойти от своей несколько юношеской позиции, чтобы понять, что не стоило *всецело* зависеть от вашей благосклонности, другими словами, не следовало переоценивать мое значение для вас».

В своем ответе от 20 января 1930 г. Фрейд пишет, что «забавлялся, читая некоторые отрывки», особенно те, где Ференци упрекает его в том, что он не анализировал негативный перенос. В своих упреках, пишет Фрейд, вы ведете себя так, как будто забыли, что в ту пору никто с уверенностью не знал, что негативные переносы и реакции при всех обстоятельствах прогнозируемы и что таким образом обстояли дела и для него, Фрейда. К тому же, добавляет он, благодаря их замечательным отношениям, понадобилось бы неимоверно много времени, чтобы все это проявилось[18].

---

[18] Можно отметить тот факт, что Фрейд в этом письме 1930 г. использует ровно те же аргументы, касающиеся отсутствия *негативного переноса* у Ференци, которые он использует через несколько лет, когда говорит о его аналитической связи с Ференци в работе «Конечный и бесконечный анализ» (1937).

В августе Ференци начинает на регулярной основе редактировать *Notes et fragments*. В том же году он вновь путешествует по Испании и читает в Мадриде публичную лекцию «Психоаналитическое лечение характера». Фрейд намерен предложить Ференци пост председателя Международной ассоциации на следующем конгрессе.

Ференци публикует «Принцип релаксации и неокатарсис».

В мае 1931 г. исполняется 75 лет Фрейду, который, страдая от осложнений, вызванных раком челюсти, не может отпраздновать свой юбилей. Ференци, будучи в Вене проездом, имеет возможность увидеться с Фрейдом в течение нескольких минут.

Ференци находится в нерешительности относительно поста председателя Международной ассоциации.

После летней паузы в переписке Ференци пишет Фрейду 15 сентября, чтобы поведать ему о новых направлениях своих исследований: «Пробую двигаться вперед другими путями, часто абсолютно противоположными, и все время надеюсь, что в конце концов найду правильную дорогу». Фрейд отвечает ему письмом от 18 сентября: «Нет никакого сомнения, что этот перерыв в наших отношениях еще больше отдалил вас от меня. Я не говорю, что вы отвернулись от меня, и надеюсь, что это не так. Принимаю это и многое другое

как часть моей судьбы… С сожалением вынужден констатировать, что вы пошли по направлениям, которые вряд ли приведут вас хоть к какому-нибудь желанному результату. Но, как вам хорошо известно, я всегда уважал вашу независимость и буду довольствоваться ожиданием того, что вы дадите обратный ход по своей собственной воле».

В октябре, во время отпуска, Ференци живет на Капри. По дороге домой он проводит в Вене 27 и 28 октября. Вдвоем с Фрейдом они откровенно обсуждают свои разногласия. Спустя несколько недель Ференци пишет Фрейду, чтобы сообщить, что он сохраняет свои взгляды[19].

13 декабря 1931 г. Фрейд адресует Ференци свое известное письмо с порицанием по поводу «техники поцелуя»: «Итак, представьте себе, каковы будут последствия обнародования вашей техники. Нет революционера, за которым бы не последовал еще более радикальный. Стало быть, многие независимые мыслители в области техники скажут: а зачем же ограничиваться поцелуем? Разумеется, мы достигнем еще большего, если присоединим к этому и „обнимание“, от этого ведь тоже дети не родятся. А затем придут еще более отважные, которые совершат дальнейшие шаги, показывая и рассматривая, и вскоре весь репертуар петтинга войдет в технику анализа – в результате сильно воз-

[19] E. Jones, *op. cit.* (1969). P. 186.

растет интерес к анализу как со стороны аналитиков, так и со стороны анализируемых. Новые коллеги припишут возросший интерес целиком себе, а наиболее молодым среди наших товарищей окажется трудно сохранять в отношениях с пациентами ту позицию, которую они выбрали изначально, и вскоре крестный отец Ференци, взирая на оживившие декорации, которые он создал, скажет себе: наверное, мне стоило остановиться в своей технике материнской нежности *не доходя* до поцелуя…».

Ференци публикует «Анализ детей и взрослых». 7 января 1932 г. он начинает свой «Клинический дневник». Заметки прерываются 2 октября 1932 г.

В августе он пишет Фрейду, что отказывается от председательства в Международной ассоциации. По дороге на XII Международный психоаналитический конгресс, который открывается в Висбадене (Германия) 3 сентября, Ференци останавливается в Вене, чтобы прочитать Фрейду «Смешение языка взрослых и ребенка. Язык нежности и страсти». Из-за разногласий, возникших между ними, встреча была сложной. Фрейд, шокированный содержанием работы, которую представляет ему Ференци, требует, чтобы тот воздержался от публикации, пока не пересмотрит выраженные им позиции.

На конгрессе Ференци читает свой доклад и не встречает никаких возражений или противодействия. После конгресса Ференци живет

Фрейд и Ференци на отдыхе, Чорба, 1917 г.

во Франции – в Биаррице, затем в Люшоне; там его развивающаяся с некоторого времени болезнь, анемия Бирмера, дает рецидив, и он вынужден прервать свой отпуск.

Фрейд пишет в сентябре Мари Бонапарт: «Ференци – моя горькая пилюля. Его жена, очень мудрая женщина, сказала, что мне следовало бы воспринимать его как больного ребенка!»

2 октября Фрейд пишет Ференци: «<...> Я больше не верю, что вы исправитесь, как исправился в свое время я. <...> Уже два года вы неуклонно отдаляетесь от меня... Думаю, что я объективно способен показать ту теоретическую ошибку, которую вы сделали в вашем построении. Но стоит ли? Я убежден, что вам больше недоступны сомнения».

В начале 1933 г. состояние Ференци ухудшается, и у него обнаруживается нейро-анемический синдром как следствие развития анемии Бирмера.

22 мая Ференци скоропостижно умирает от нарушения дыхательной функции, сопутствующего миелиту.

Фрейд публикует «Шандор Ференци: Некролог».

Статья «Смешение языка» изымается из плана публикаций журнала *Internationale Zeitschrift für Psychahalyse.*

Клинический дневник (1932) опубликован в 1969 г., спустя тридцать семь лет после смерти автора.

Труды

Обзор

«Поскребите взрослого и найдете там ребенка».
Перенос и интроекция (1909)

Психоаналитические труды Шандора Ференци весьма впечатляют как своим концептуальным богатством, так и широтой и разнообразием исследуемого им пространства проблем. Это труды человека, идущего в ногу с эволюцией психоаналитических идей своего времени, труды одного из зачинателей психоанализа, который следовал в русле открытий, сделанных Фрейдом, и неустанно вносил свой вклад в клиническую и теоретическую дискуссию. Это труды вдохновенного и независимого исследователя, который быстро сумел проявить и заставил других признать

оригинальность своего мышления, находившегося до самой его смерти в непрерывном движении.

В эволюции идей Ференци можно различить три периода.

Первый период – вклад во фрейдовские открытия (*1908–1914*). – Этот период проходит под знаком открытия психического функционирования и бессознательного в связи с инфантильным неврозом, инфантильными сексуальными теориями, сновидениями и неврозом переноса. Этот период отмечен мастерским ходом автора – созданием понятия «интроекции» (1909). Это также период, позволивший Ференци привнести важнейшие детали в теоретические построения Фрейда: они касаются детей и еще не говорящих младенцев, влечений полиморфно-извращенной сексуальности, инфантильных сексуальных теорий, первичного и вторичного процесса, сновидений, вытеснения, галлюцинаторного, символического, принципа удовольствия/неудовольствия, принципа реальности, языкового аппарата, аппарата мышления, переноса и т. д.

Вот работы, которые (наряду со многими другими) в яркой манере повествовали обо всем названном выше: «Перенос и интроекция» (1909); «Научная интерпретация сновидений» (1909); «Непристойные слова. Вклад в психологию латентного периода развития» (1910); «Понятие интроекции»

(1912); «Транзиторные симптомы во время одного психоанализа» (1912); «Ориентировочные сновидения» (1912); «Символическое изображение принципов удовольствия и реальности в мифе об Эдипе» (1912); «Дрессировка дикой лошади» (1913); «Кому мы рассказываем наши сны?» (1913); «Развитие чувства реальности и его стадии», «Мальчик-петух» (1913); «Онтогенез символов» (1913).

Второй период – период развития мысли и творчества (*1914–1925*). – В этот период Ференци проявляет все больший интерес к психоаналитической технике. Среди прочего этот период отмечен эссе о связи аналитической техники с аналитической теорией, написанным совместно с Отто Ранком и свидетельствующим о постоянно стоявшем перед Ференци вопросе об эффектах психоаналитического лечения. Многие тексты затрагивают этот вопрос – среди них отметим следующие: «Психоаналитическая техника» (1919); «Технические трудности одного анализа истерии» (1919); «Дальнейшее построение „активной техники“ в психоанализе» (1921); «Перспективы психоанализа» (совместно с Ранком) (1924); «Спровоцированные фантазмы (действие в технике ассоциации)» (1924); «Психоанализ сексуальных привычек (к вопросу о терапевтической технике)» (1925).

Этот период застает Ференци в полном расцвете его клинического дарования. Многочислен-

ные работы, часто короткие, – заметки на полях или краткие клинические комментарии – отмечены этим дарованием. Из всего обилия текстов выделим: «Гомоэротизм: нозология мужской гомосексуальности» (1914); «Онтогенез интереса к деньгам» (1914); «Мечты окклюзивного пессария» (1915); «Два типичных фекальных и инфантильных символа» (1915); «Сложные формации эротических черт и черт характера» (1916); «Феномены истерической материализации» (1919); «Попытки объяснения некоторых характерных признаков истерии» (1919); «Психоанализ одного случая истерической ипохондрии» (1919); «Психоаналитические рассуждения о тиках» (1921); «Символическое значение моста» (1921); «Сон о мудром младенце» (1923).

Этот период особо отмечен публикацией работы «Таласса. Психоанализ истоков сексуальной жизни» (1924). Этот «биоаналитический научно-фантастический вымысел» – великий труд Ференци; он полностью отражает его творческое своеобразие и знаменует поворот в эволюции его мышления.

Третий период – период сомнений, пересмотра взглядов и развития новых концептов (*1926–1933*). – Этот период характеризуется разработкой новых ориентаций и новых технических предложений (отказ от «активной» техники в пользу

«технической гибкости» и «неокатарсиса»). Тексты, подтверждающие эти новации в технике, следующие: «Противопоказания к активной технике» (1926); «Гибкость аналитической техники» (1928); «Принцип релаксации и неокатарсис» (1930).

Новые предложения, касающиеся техники, приводят Ференци к ревизии теории и к важным концептуальным гипотезам, касающимся главным образом клиники и теории психического травматизма (травматическое и травма). Они лежат в основе некоторых теоретических предложений, делающих вклад и наследие Ференци безусловно актуальными по той простой причине, что они исследуют психические категории, для которых сущность проблемы сводится не столько к естественной участи либидо, сколько к судьбе экстремальных состояний психической боли, которые могут доходить до «агонии» психической жизни. Эти поступательные шаги Ференци отражены в следующих работах: «Анализ детей и взрослых» (1931); «Смешение языка взрослых и ребенка. Язык нежности и страсти» (1932); «Клинический дневник» (январь–октябрь 1932) (1932); «Рассуждения о травматизме» (1934).

Исходя из масштаба вклада Ференци в науку и дабы выделить в его наследии несколько главных осей, отметим, сообразуясь с хронологией, основные вехи его творчества:

- еще раз вспомним о том, что Ференци понимает под «интроекцией» (1909) и то значение, которое сразу приобретает это понятие в контексте фрейдовских открытий той эпохи;
- отметим талант Ференци как клинициста. Статья, посвященная «мальчику-петуху» (1913), является замечательной иллюстрацией этому, позволяет нам увидеть ее автора в непосредственном контакте с инфантильными сексуальными теориями и детским неврозом, открывает весь его талант аналитика и метапсихолога;
- отдадим должное в историческом и в концептуальном плане его «биоаналитическому» эссе *Таласса* (1924); этот «филогенетический роман», встреченный Фрейдом как исключительный труд, открывает путь к проблемам, связанным в психоанализе с регрессией, первичным и первоначалом;
- еще раз обратимся к истории его технических инноваций (1918–1933), учитывая те теоретико-практические этапы, которые предшествовали их созданию (активная техника, техническая гибкость, неокатарсис, взаимный анализ); они являются центральными в творчестве Ференци и позволяют ему выдвинуть фундаментальные идеи, касающиеся контрпереноса, аналитического лечения, травматизма, расщепления и т. д.;

- вспомним эволюцию понятия «мудрый младенец» (1924–1932), метафору, позволяющую ему иллюстрировать некоторые свои тезисы относительно инфантильного, травмы и паралича психической жизни;
- подчеркнем важность разработанного Ференци понятия травматического расщепления, понятия, стоящего в центре исключительного самоаналитического документа, каким является *Клинический дневник* (1932);
- резюмируем концептуальные и теоретические идеи Ференци с точки зрения современной клиники.

«Перенос и интроекция» (*1909*): *мастерский ход*

Всего лишь два года спустя после первой встречи с Фрейдом Ференци делает свой «ход мастера», написав работу «Перенос и интроекция» (1909). С этого момента ученик сам постепенно становится мастером.

Разработка понятия интроекции тесно связана с диалогом Ференци и Фрейда, полностью переданным в их переписке[20].

Статья «Перенос и интроекция» выявляет дарование и творческий потенциал ее автора. С са-

---

[20] S. Freud–S. Ferenczi. *Correspondance 1908–1914.* Paris, Calmann–Lévy, 1992.

мого начала мы поражаемся уже приобретенному психоаналитическому опыту Ференци (его способности «интроецирования» фрейдовского научного корпуса), а также его клиническим способностям, глядя на примеры, на которые он искусно опирается с целью иллюстрации своих предположений.

Ференци начинает свою статью, пространно излагая достижения Фрейда, касающиеся проблематики переноса и истерии. Рассуждая на тему «переноса на врача», он противопоставляет проблематику больного неврозом проблематике больного «ранним слабоумием» (шизофреника) и больного паранойей. Больной ранней деменцией «полностью теряет интерес к внешнему миру, становится инфантильным и аутоэротическим». Совсем иначе ведет себя параноик, который, наоборот, выталкивая этот интерес за пределы своего «Я», «проецирует во внешний мир свои желания и стремления». В противоположность ему *«невротик пытается вовлечь в сферу своих интересов как можно больше из внешнего мира»* посредством процесса, обратного проекции. *«Предлагаю назвать этот процесс <…> интроекцией»*, – пишет Ференци. Здесь мы имеем эффект *Süchtigkeit* (мания) – импульс, тенденция и даже стремление субъекта включить внешний мир в «Я», процесс, лежащий в самой основе *переноса*.

Установив, что новорожденный с самого начала подчинен механизму интроекции и интроек-

тивному процессу, Ференци пишет, что «вначале он все ощущает *монистически,* будь то внешний стимул или психический процесс». Позже он учится различать вещи, «подчиняющиеся его желанию», и вещи, «сопротивляющиеся его воле». С этого момента «монизм становится дуализмом», так как «ребенок начинает исключать „объекты“ из конгломерата своих восприятий (до того обладавшего целостностью), формируя *внешний мир* и впервые противопоставляя ему свое „Я“, которое принадлежит ему более непосредственно». Итак, он вынужден теперь делать различие между «объективным *ощущением* (*Empfindung*) и субъективным чувством (*Gefühl*)», проводя свою первую проективную операцию, «примитивную проекцию», позволяющую ему таким образом выдворить наружу неприятные аффекты. Но, продолжает Ференци, внешний мир не так уж легко поддается изгнанию себя из «Я» и пытается в нем утвердиться: «„Я“ принимает этот вызов, вновь поглощает часть внешнего мира и расширяет свой интерес к нему; так происходит первая интроекция, „примитивная интроекция“. Первая любовь, первая ненависть имеют место благодаря переносу: часть ощущений удовольствия или неудовольствия, аутоэротические по происхождению, перемещаются на *объекты,* которые их породили. Вначале ребенку нравится лишь сытость <…> затем он начинает любить мать – объект, обеспечивающий ему эту

сытость. Первая *объектная любовь,* первая *объектная ненависть* являются, стало быть, корнями, моделью любого последующего переноса, который, таким образом, является не характеристикой невроза, а лишь усиленным вариантом нормального психического процесса».

Концептуальные идеи, предложенные здесь Ференци, подтверждают его особое понимание значения предобъектной и объектной связи в организации „Я" ребенка, а также в динамичной и экономичной организации психических процессов. Основная идея Ференци состоит в том, что *интроекция* – это *процесс,* психический процесс, *организующий* психическое.

Так Ференци привнес во фрейдовскую конструкцию один из существенных элементов, сделав акцент на процессе первичной интроекции, разворачивающемся с первых минут взаимодействия мать–ребенок, процессе, который он считает базовым для переноса как в гипнозе, так и в анализе.

Во второй части статьи, сконцентрированной на значении переноса для гипноза (напомним, что это было время перехода от практики лечения гипнозом к практике лечения психоанализом), Ференци выделяет два типа переноса: отцовский (предполагающий авторитет) и материнский. Именно они указывают на инфантильную связь («ребенок во взрослом»), которая вскрывается в пе-

реносе. Подчеркивая ранние механизмы идентификации, Ференци вынужден учитывать тот факт, что репрезентации, равно как и телесные ощущения и эмоции, являются своего рода повторением переносов аффектов, любви и страха, связанных с родительскими объектами раннего детства. «В глубине нашего существа мы остаемся детьми и такими будем всю нашу жизнь: *поскребите взрослого и найдете там ребенка».*

Менее чем три года спустя, в кратком эссе, озаглавленном «Понятие интроекции» (1912), Ференци пересматривает свои идеи: «Я описал интроекцию как распространение на внешний мир интереса, аутоэротического по происхождению, посредством введения внешних объектов в сферу „Я“. <…> Я рассматриваю *любую объектную любовь* (или *любой перенос*) как расширение „Я“, или *интроекцию,* существующую как у нормального индивидуума, так и у невротика (а также у параноика – разумеется, в той мере, в какой он сохранил эту способность). В конечном итоге человек способен любить лишь себя самого; любить другого равносильно интеграции этого другого в свое „Я“. <…> Это единение между любимыми объектами и нами, это слияние объектов с нашим *„Я“* и названо мной интроекцией и, повторяю, я считаю, что *динамический механизм любой объектной любви и любого переноса на объект есть расширение „Я“, интроекция».*

Таким образом, интроекция для Ференци представляет собой процесс, лежащий в самой основе формирования «Я». Интроекция является синонимом процесса, находящегося в центре психического функционирования (что выявляется путем психоаналитического исследования и лечения), а именно перехода от репрезентации объектов и их психических качеств, от внешнего мира – к внутреннему миру субъекта. Интроекция, на языке Ференци, отсылает также к интроекции игры влечений (любовь и ненависть); в широком смысле это указывает на психическую потребность в каком-то субъекте для переноса.

В отношении фрейдовской теории *идентификации* понятие интроекции, как его сформулировал Ференци, позволяет лучше определить то, что лежит в самой основе процесса идентификации, процесса, изменчивость которого (особенно в связи с истерией) Фрейд ранее объяснил без глубокого проникновения в его механизм. Что касается участия интроекции в процессе идентификации, то *интроекция* – это *процесс,* который следует отличать от *инкорпорации,* являющейся *механизмом.* Иначе говоря, инкорпорация, примитивный механизм ассимиляции и включения части объекта (матери) в первичный нарциссизм субъекта, отличается от интроекции, процесса, предполагающего интериоризацию Другого и привязанность к нему уже в ранних отношениях мать–ребенок.

Поэтому интроекция объекта – это то, что позволяет субъекту трансформировать первичный нарциссизм во вторичный и перейти от аутоэротизма к объектной любви.

«Мальчик-петух» (*1913*). *О комплексе кастрации: инфантильные сексуальные теории и невроз у ребенка*

«Мальчик-петух» занимает видное место в ряду мастерских клинических отчетов Ференци. Этот текст позволяет ему развернуть все свои способности толкователя психического мира детства, являющегося в его трудах постоянной темой, в которой его можно считать первооткрывателем. Красочное описание проявлений невроза у ребенка, а также гипотезы, которые он предлагает относительно его возникновения, структуры и организации, служат обоснованием психоаналитической теории, в которой он заявляет о своих открытиях, касающихся инфантильной сексуальности, комплекса кастрации и эдипова комплекса.

Ференци сравнил свое наблюдение «мальчика-петуха» и наблюдение «Маленького Ганса», сделанное Фрейдом на несколько лет раньше[21]. Различие между этими двумя клиническими отчетами со-

[21] S. Freud (1909). *Analyse d'une phobie chez un petit garçon de cinq ans* (Le petit Hans) // Cinq psychanalyses. Trad. M. Bonaparte, R. Loewenstein. Paris, PUF. P. 93–198.

стоит в том, что первый основывается на клиническом наблюдении симптома у ребенка (Арпада), отражающем эволюцию его невротического состояния, в то время как второй – рассказ о психоаналитическом лечении ребенка (Ганса), страдающего фобическим неврозом.

У Арпада, мальчика трех с половиной лет, внезапно развивается симптом, тревожащий его близких. Его интересы неожиданно концентрируются на птицах, относящихся к виду куриных (будь то петухи, куры или цыплята). Ребенок доходит до того, что перестает говорить, а только «кудахчет» и «кукарекает». Наряду с этим, хотя он страшно боится живых цыплят, он требует, чтобы их постоянно покупали. Это было желание, пишет Ференци, «присутствовать при сворачивании им шеи», о котором ребенок, на фоне явной тревоги, говорил беспрестанно в своих играх, основанных на многочисленных садистских и мазохистских фантазиях, нацеленных исключительно на куриные особи.

Из опроса близких родственников ребенка становится очевидной этиология травматического порядка, которая дает объяснение развитию этого симптома. Годом раньше, когда Арпад мочился в курятнике, к нему приблизился цыпленок и «клюнул его в пенис»; прислуга «наложила повязку», чтобы успокоить его, а потом «петуха зарезали». Однако не было достоверно установлено,

действительно ли Арпад был в тот момент ранен, так как прислуга уже не работала в этой семье.

Спустя год у Арпада развивается упомянутый симптом. В рамках своего наблюдения Ференци ставит вопрос о «периоде латентности»: почему до появления симптома прошел целый год? И тогда он выдвигает гипотезу, что в этот промежуток времени кто-то взрослый из окружения Арпада пригрозил ему кастрацией «из-за сладострастных прикосновений» к собственным половым органам, которые практиковал мальчик. Подтверждение гипотезы Ференци дает сам Арпад в конце наблюдения.

«Мальчик-петух» позволяет Ференци взяться сразу за несколько тем и проиллюстрировать их.

Первая тема – это воздействие комплекса кастрации на мальчика трех с половиной лет, то есть находящегося в полном расцвете своего эдипова комплекса. Результаты проявляются в вышеприведенном случае в форме контринвестиции фобического симптома (боязнь петуха), связанного с травмой, что влечет за собой, посредством механизма превращения в противоположное, патологическую чрезмерную инвестицию в мир куриных. Эта сверхинвестиция сопровождается у маленького Арпада серией симптомов, настораживающих окружающих: идентификация с курами (идентифицируясь со своим агрессором, он уже не говорит, а начинает «кукарекать» и «кудахтать»); болезненное инфантильное любопытство

к мести петуху, клюнувшему Арпада и впоследствии «зарезанному» (мальчику хочется присутствовать при закалывании кур и получать от этого зрелища удовольствие); амбивалентность чувств к куриным («целует и гладит мертвое животное»); открыто выраженные садистские фантазии («необычное удовольствие придумывать жестокие пытки для домашней птицы», – пишет Ференци); наконец, мазохистское поведение, эффект возвращения к собственной персоне, воплощающееся в требовании наказания для себя.

Вторая тема – это развитие теории отложенного эффекта (эффекта après-coup) в организации инфантильного невроза. Это центральная тема для Ференци. Безусловно, травматическое воздействие, пережитое Арпадом в день, когда его клюнул петух, а также все последствия этого события («наложение повязки», то, что «был зарезан петух»), позволяют придать смысл симптому, развившемуся на следующий год. Но историческая реальность этих событий – является ли она абсолютно необходимой, чтобы говорить о структуре фобии и раскрыть ее? Похоже, что Ференци знает ответ на этот вопрос, и в этом заключается смысл гипотезы, которую он выдвигает, ставя проблему временно́го интервала между моментом травмы и появлением невроза, – достаточно было, чтобы Арпад, полностью занятый фантазиями кастрации (петух, «клюющий» его пенис; «отрубленная»

голова петуха), столкнулся с угрозой кастрации, услышанной от взрослого из его окружения (второй период угрозы кастрации, по Фрейду), чтобы появился невроз, чьим стержнем и двигателем являются его собственные амбивалентные чувства по отношению к отцу, которого для Арпада символизировал петух.

В последующих изданиях своей статьи Ференци указывает в сноске на одной из страниц, что Фрейд в *Тотеме и Табу* ссылается на случай маленького Арпада, чтобы проиллюстрировать тотемизм первобытных людей, и квалифицирует его как «редкий случай положительного тотемизма».

Это эссе дает полное представление об ассоциативных и аналитических способностях автора, который, на основе своего наблюдения, разворачивает целое полотно фрейдовской теории о невротической организации маленького ребенка, терпящего «эдипово бедствие», о комплексе кастрации, судьбе полиморфной извращенной сексуальности и об инфантильных сексуальных теориях.

«Таласса». Психоанализ истоков сексуальной жизни (1924). Регрессия: от первичного до «первоначального»

Таласса является трудом, рожденным из очень насыщенного обмена мнениями между Фрейдом и Ференци в течение 1915 г. по поводу онтогенеза

и филогенеза[22], и прежде всего в связи с проблемой памяти биологического вида и передачи древнего опыта человечества.

В этот период Фрейд, полностью погруженный в ламаркистско-дарвинистское биогенетическое теоретизирование, вкус к которому с энтузиазмом разделяет и Ференци, выдвигает идею о том, что человечество пережило *всеобщую травму, катастрофу* при наступлении ледникового периода. Эта «катастрофа» как бы положила начало перехода сексуальности человека в латентную форму, дабы сохранить его энергию, необходимую для выживания. В этом состоит смысл письма, адресованного Фрейдом Ференци 12 июля 1915 г., в котором анонсируется рукопись *Общий взгляд на неврозы переноса*[23] и где он пишет: «Сегодняшние неврозы являются минувшими фазами эволюции человечества. Когда во время ледникового периода люди претерпели лишения, они стали *тревожными,* у них были все причины превратить свое либидо в страх».

Рукопись *Общий взгляд* не была опубликована, но интерес Ференци к весьма спекулятивным исследованиям Фрейда, касающимся филогенети-

---

[22] *Онтогенез:* развитие индивидуума от оплодотворения до взрослого возраста; *филогенез:* развитие вида.

[23] S. Freud (1915). *Vue d’ensemble des névroses de transfert.* Trad. P. Lacoste. Gallimard, 1986.

ческого наследия очень древней травмы, запечатлевшейся в истории человеческого вида, побуждает Фрейда предложить ему написать в следующем году совместную книгу о Ламарке. В конце концов Фрейд отказывается от этого проекта и пишет Ференци 27 декабря 1917 г.: «Никак не могу решиться на проект Ламарка. Возможно, мы оба находимся в положении тех двух благородных поляков, из которых ни один в момент платы по счету не мог допустить, чтобы за него заплатил другой, – и в результате ни первый, ни второй так и не заплатили».

Между тем Ференци собирался написать серию из пятнадцати–двадцати текстов, чтобы впоследствии объединить их под общим заглавием *Биоаналитические эссе* (*Bioanalytische Aufsätze*). В своей переписке с Гроддеком 5 июня 1917 г. Фрейд намекает на эту работу: «Мой друг Ференци <…> имеет в папке *Int. Zeitschrift* готовую работу о патоневрозах, которая близко соприкасается с вашими сообщениями. И именно эта точка зрения побудила его, на мой взгляд, написать биологическое эссе, где должно быть показано, как последовательное развитие идеи Ламарка об эволюции прямо вытекает из психоаналитических концепций».

Все говорит о том, что «биологическое эссе», о котором идет речь, – это эскиз книги, которую Ференци опубликует в 1924 г. под названием *Талас-*

са. Эссе о теории генитальности[24]. В связи с публикацией на венгерском языке, спустя пять лет после первого издания, Ференци меняет название книги, озаглавив ее: *Катастрофы в развитии генитального функционирования. Психоаналитическое исследование.*

Главная идея этого эссе близка к тезису из работы Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия»[25] о «консервативной природе влечений, пытающихся восстановить прежнее состояние, утерянное в результате внешней пертурбации». Для Ференци, сексуальность человека сохраняет «мнестический, наследственный и бессознательный след» геологических катастроф, которые привели к осушению водной и морской среды.

«Представьте себе поверхность земли, еще полностью покрытую водой, – пишет Ференци в работе «Мужское и женское»[26], воссоздающей и резюмирующей главную аргументацию *Талассы,* – вся растительная и животная жизнь протекает

---

[24] Thalassa. *Essai sur la théorie de la genitalité* (1924). Psychanalyse III. 1974. P. 250–323.

[25] S. Freud (1920). *Au-delà du principe de plaisir* // Essais de psychanalyse. Trad. J. Laplanche, J.-B. Pontalis. Paris, Petite Bibliothèque Payot, 1981. P. 41–115.

[26] *Masculin et féminin. Considérations psychanalytiques sur la «théorie génitale» et sur les différences sexuelles secondaires et tertiaires* (1929). Psychanalyse IV. 1982. P. 66–75.

еще в морской среде. Но атмосферные и геологические условия приводят к тому, что некоторые части морского дна поднимаются над поверхностью моря. Животные и растения, попав таким образом на сушу, должны либо погибнуть, либо адаптироваться к жизни на земле и в атмосфере: прежде всего они должны привыкнуть вдыхать из воздуха, а не из воды, как прежде, газы, необходимые для жизни (кислород, углекислый газ) <…>. Моя идея состоит в том, что как сексуальные отношения могли на галлюцинаторном, символическом и реальном уровне приобрести смысл регрессии – по крайней мере, в форме своего выражения в натальном и пренатальном периоде, так и рождение и предшествующее существование в амниотической жидкости могло быть органическим символом воспоминания о великой геологической катастрофе и борьбе за адаптацию, которую наши предки по животной биологической линии вынуждены были пережить, чтобы приспособиться к земной и атмосферной жизни. В сексуальных отношениях, следовательно, остались мнестические следы этой катастрофы, которую претерпели и индивидуум и род. <…> В данном случае моя биоаналитическая концепция позволила мне интерпретировать сон спасения из вод и сопутствующее ему чувство страха и освобождения не только как мнестический, наследственный и бессознательный след процесса

рождения, но и как след далекой катастрофы иссушения и адаптации».

Таким образом, в своей «биоаналитической» фантазии Ференци развивает теорию психосексуальной революции, произошедшей в момент катастрофы, вызванной иссушением и необходимостью адаптации.

Биологические, физиологические и психологические фиксации, обусловленные работой памяти представителя человеческого рода, располагаются не только на *онтогенетическом,* но и на *филогенетическом* уровне:

- на уровне онтогенеза в том, что касается желания возврата в утробу матери, коитус является наиболее успешной реализацией этого желания, объединяя *символический, галлюцинаторный и реальный возврат в тело матери;*
- на уровне филогенеза это касается *осуществления желания счастливого возврата в «первоначальный»* морской мир богини Талассы, из которого человеческий род когда-то давным-давно был изгнан.

В этом «биологическом романе», на фоне предложенной воображаемой схемы, Ференци пробует обратить внимание на то, что можно нащупать «психоанализ корней», психоанализ «детства биологического вида». Ференци превращает фрейдовскую концепцию филогенетической передачи

первоначального фантазма в унаследование травматических *впечатлений* и древнейших *катастроф*. Наследственность становится результатом неразрешенных и аккумулированных во всех поколениях напряжений, «предформой, всегда готовой откликнуться на события, переживаемые индивидуумом в его онтогенезе»[27]. И все же остается вопрос, каковы те прародительские травматические состояния, которые онтогенез может символически повторить[28]. Именно на этот вопрос Ференци пытается ответить в своем эссе:

«Акт спаривания и акт оплодотворения, тесно связанный с первым, представляют собой слияние *в единое целое не только индивидуальной катастрофы* (*рождение*) *и последней катастрофы, пережитой всем видом* (*иссушение*), *но и всех катастроф, произошедших с момента появления жизни;* так, оргазм есть не только выражение *внутриутробного покоя* и безмятежного существования в более благоприятной среде, но и *того покоя, который предшествовал появлению жизни, мертвого покоя неорганического существования».*

Рождение, борьба за сексуальность и сохранение вида, агония, травматизм в жизни индиви-

---

[27] I. Barande (1972). *Sandor Ferenczi.* Paris, Petite Bibliothèque Payot.

[28] N. Abraham (1962). *Présentation* // Thalassa, Psychanalyse des origines de la vie sexuelle. Paris, Petite Bibliothèque Payot, 1974.

дуума, геобиологические катастрофы и т. д. – все сводится к общему знаменателю борьбы против регрессивной инерции, стремящейся восстановить внутриутробное спокойствие[29].

После смерти Ференци Фрейд в «Некрологе» (1933)[30] вновь в исключительно хвалебных тонах подчеркивает значение определенных концептуальных идей, содержащихся в *Талассе,* а также впечатляющую оригинальность образа мышления автора: «Читая эту работу, мы, думаю, начинаем понимать многочисленные особенности сексуальной жизни, о которых раньше у нас никогда не было общего связного представления, и обогащаемся идеями, обращающими наш взгляд в глубины самых широких областей биологии. Нет смысла пытаться сегодня различить то, что может быть принято как истинное знание, и то, что в виде научной фантазии стремится предвидеть это будущее знание». По Фрейду, *Талассу* можно было читать как эссе, продолжающее его собственные

[29] Это отсылает нас к тому, что пишет Фрейд в своей работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) относительно влечений и компульсивности повторения: «Влечение представляется как стремление живого организма к восстановлению прежнего состояния, которое этому живому существу пришлось покинуть под пертурбационным влиянием внешних сил».

[30] S. Freud (1933). *Sandor Ferenczi.* OCF. P, XIX, PUF, 1995. P. 309–314.

концепции 1920-х годов о непреодолимом влечении к повторению и о травматическом неврозе.

Однако мы можем увидеть в *Талассе* также и смелое, оригинальное эссе исследователя в процессе становления, который в течение последующих десяти лет совершенно самостоятельно разрабатывает свою собственную теорию о травме. Похоже, можно установить определенную последовательность в мышлении Ференци, приверженца геологического травматизма, вписывающего травму в живую память биологического вида, и Ференци, с интервалом в несколько лет пытающегося проследить индивидуальную травматическую «катастрофу» и обозначить ее корни, что помогает ему внедрить новые варианты техники для преодоления сложных препятствий переноса – контрпереноса, в которых он увидел связь со «скальной породой» первоначального.

Вопреки Фрейду, для которого вытесненное первоначальное может навсегда остаться непознаваемым и который интегрирует травматизм в диалектическое соотношение внутреннее/внешнее, включая его в бессознательную психическую реальность, Ференци, начиная с этого периода, придерживается убеждения, что начало и вытеснение первоначального должны быть приняты во внимание и даже подвергнуты анализу. Но сама идея первоначального, похоже, недостаточна. Поэтому, добавив к «началу» префикс архи- («ар-

хи-начало») и получив «начало начал», Ференци надеется найти то *психическое место,* куда «вписываются» травма и ее импринтинги. Так, мы находим в его *Клиническом дневнике* (1932), написанном незадолго до смерти, следующие строки: «Возникает вопрос, а не следует ли каждый раз искать первичную травму в первоначальной связи с матерью, может ли травма более позднего периода, уже отягощенного появлением отца, иметь такой же эффект, если нет травматического рубца в отношении мать–ребенок», архиначального (Ururtraumatisch)»[31].

Похоже, это «архи-начало», вышедшее из-под пера Ференци, следует считать отпечатком и следствием совместной разработки идей и обмена мнениями с Фрейдом в годы Первой мировой войны. Эти идеи, побудившие его очень дотошно изучать возможные взаимосвязи между серьезными «катастрофами» в истории биологического вида и не менее серьезными катастрофами в истории индивидуума и в развитии его влечений, позже постоянно присутствовали в его трудах, так как среди всех своих современников он больше других старался определить воздействие травмы (интрапсихической «катастрофы») на суть клинических ситуаций, которые можно связать с категориями первичного и первоначального.

---

[31] *Journal clinique* (janvier–octobre). Paris: Payot, 1982. P. 137.

«Технические инновации» (1918–1933)

Технические инновации, предлагаемые на протяжении пятнадцати лет (1918–1933), отмечены различными идеями, которые Ференци удалось постепенно сформулировать при ответе на многочисленные вопросы, которые он задавал себе по поводу надежности и эффективности психоаналитического механизма лечения сложных случаев. К этому добавляется и тот факт, что во время «поворота» в психоанализе 1920-х годов Ференци, следом за Фрейдом, улавливает специфику одержимости как *навязчивого, компульсивного влечения к повторению.* Оно становится причиной многих неудач, ведет к тому, что многие курсы лечения увязают в болоте. Терапия «человека с волками» (Вольфсмана) напоминает нам об этом. В то время те, кто, находясь в анализе, не демонстрировали истинного невроза переноса, а чаще всего застревали между психоневрозом переноса, который, по-видимому, поддается анализу, и нарциссическим неврозом, который анализу не поддается, погружали аналитиков в пучину глубокой растерянности. «Адаптирован» ли аналитический механизм для такого типа пациентов, которые в процессе развития их переноса в анализе находятся между «безумием и психозом»[32]? Что можно узнать

[32] A. Green. *La folie privée; psychanalyse des «cas limites».* Paris: Gallimard, 1991.

от этих пациентов об организации инфантильного невроза и невроза переноса? Вправе ли мы вообще подозревать у них то и другое? Что происходит с *контрпереносом,* который они вызывают, и как быть с ним? Какую *технику* психоанализа следует применить к ним, если понятно, что, в отличие от так называемых «классических» видов терапии, здесь нужно будет преодолевать препятствия? *Как далеко* можно зайти и следует ли это делать? Каковы *пределы* того, что анализируется, самого анализа и т. д.?

Как хорошо показывает его переписка с Фрейдом, Ференци с самого начала своей практики (1908) не перестает спрашивать своего собеседника об этих проблемах – проблемах психоаналитического процесса, техники, рамок, модальности, затруднений переноса и контрпереноса. Подведя еще в первых своих трудах теоретическую базу под перенос и придав ему определенный статус, Ференци в последующие годы направляет свой интерес и изыскания также на *контрперенос,* на те вопросы, которые он вызывает у аналитика во время курса лечения.

Замечательный клиницист, неустанный терапевт, Ференци с первых лет своей практики все время пытается уяснить для себя те препятствия и *ограничения,* на которые он наталкивается во время лечения так называемых «трудных» пациентов. Так, по свидетельству его современни-

ков, благородно защищая других и помогая им при неудачах, он очень скоро попал в ситуацию, когда его коллеги, недолго думая, стали доверять ему тех своих пациентов, которые создают больше всего проблем.

После десятилетия аналитической практики (1908–1918) Ференци приходит к выводу, что *клиническое наблюдение* и *опыт* (*Erlebnis*) неотделимы друг от друга. Поэтому ему кажется, что техника – обязательное дополнение теории – может и должна быть модифицирована, адаптирована и развита в зависимости от требований лечения. Затруднения, с которыми он сталкивается в анализе (негативный перенос, сопротивление переносу и сопротивление в переносе, нарциссические или мазохистские позиции, отреагирование вовне и внутрь и пр.), а также затруднения, обычно связанные с особенностями отдельных пациентов (тяжелые расстройства характера, «как будто бы» личности, нарциссические структуры, «пограничные случаи» и т. д.), побуждают его к разработке серии радикально отличных подходов к применению техники, предложенной Фрейдом и практиковавшейся до того времени. В этом смысле *технические инновации,* похоже, могут быть восприняты не только как установление рамок, но и как контрпереносные ответы, когда, находясь в определенном тупике, Ференци начинает искать иную теоретико-практическую перспективу своей работы.

Сегодня в этой эволюции можно выделить три важных момента:

- период *активной техники,* так называемый период активности (1918–1926);
- период так называемой *технической гибкости,* именуемый также периодом *технических экспериментов* (1926–1929);
- за этим периодом, связанным главным образом с интересом Ференци к теории метапсихологии травматизма, следует период новых технических экспериментов, называемых *неокатарсис* и *взаимный анализ,* также находящихся в непосредственной связи с последними концепциями травматизма (1929–1933).

Этот период *обновления техники* открывает важный и продолжительный этап перемен в истории эволюции психоаналитических понятий.

Активная техника: «те, что „отсутствуют“ для самих себя. – Отправная точка исследований и технических модификаций, проводимых Ференци начиная с 1918 г., базируется на следующем интуитивном клиническом ощущении: резистентность и затруднения в курсе лечения вытекают из того, что пациенты иногда «психически» отрываются от своих симптомов, остающихся все же доступными для наблюдения. По этой причине

такие пациенты частично «отсутствуют» для самих себя: они «не видят» и «не чувствуют» себя и, что еще важнее, они «не представляют» свои симптомы. С этого момента, чтобы ослабить сопротивление и придать новый импульс аналитической работе, находящейся в стагнации, Ференци делает то, что кажется ему наиболее существенным, – всеми способами старается вернуть и интегрировать в перенос поведение, черты характера, вплоть до некоторых психических процессов, которые, вопреки успехам курса лечения, остаются расщепленными и инкапсулированными.

Речь может идти об очевидных симптомах, например, о тиках[33], а также о чертах характера[34], которые увидел, воспринял и почувствовал аналитик, но которые пациент изымает из психической сцены (своей сцены), никогда не включая их в свои ассоциации во время сеанса. В результате даже на самых поздних фазах лечения аналитик не может воссоединить то, что он *видит* и что он *чувствует,* с тем, что он *слышит* от пациента и что он может интерпретировать. Столкнувшись с затруднениями контрпереноса, связанными с существованием инкапсулированных в «Я» пациента зон

[33] *Réflexions psychanalytiques sur les tics* (1921). Psychanalyse III. 1974. P. 85–112.

[34] *Prolongements de la «technique active» en psychanalyse* (1921). Psychanalyse III. 1974. P.117–133.

(организующих «частный психоз»), которые невозможно интерпретировать из-за отсутствия ассоциаций, Ференци начинает проповедовать *активную технику*.

«Существуют случаи, когда преобладают скорее ненормальные черты характера, чем невротические симптомы. Лица с такими чертами характера отличаются от лиц с невротическими симптомами среди прочего тем, что они, как и психотики, обычно „не осознают свою болезнь"; эти черты характера являются своего рода частными, пережитыми, даже принятыми нарциссическим „Я" <…>. Если не удается привести пациента к тому, что Фрейд назвал „температурой кипения любви в переносе", в которой оттаивают даже самые жесткие черты характера, мы можем сделать последнюю попытку <…> – активным методом усилить и этим полностью развить и довести до абсурда черты характера, которые зачастую лишь намечены в человеке»[35].

При помощи некоторых *требований* (Gebote) или *запретов* (Verbote) аналитик побуждает пациента принять активную позицию, то есть *сделать* или *отказаться сделать* что-то. Таким образом, вопреки катарсическому методу, в котором появление воспоминания путем возвращения вытесненного вызывает аффект, «активная техника»

[35] S. Ferenczi (1921), *ibid., op. cit*. P. 128–129.

облегчает возврат вытесненного, провоцируя одновременно запуск и появление аффекта.

Эти технические модификации окажут свое влияние и на теорию. Действительно, наряду с теоретическим прорывом двадцатых годов, связанным с введением понятия влечения к смерти и новой теорией влечений, возникающая во многих случаях неопределенность, касающаяся *пределов анализа* и особенно *пределов воспоминаний,* побуждает Ференци *к радикализации понятия переноса* и разработке «активных техник».

Он пишет: «Можно с первой минуты понять каждый сон, каждый жест, каждый неудачный акт, каждое ухудшение или улучшение состояния пациента как выражение переноса и сопротивления»[36]. Такая концепция переноса помогает ему по-своему открыть важность *понятия пережитого опыта, Erlebnis:* «Между тем, если раньше мы старались достичь терапевтического эффекта от реакции пациента на данные объяснения, – пишет он, – то сейчас нам бы хотелось поставить добытые психоанализом знания целиком на службу лечения, *вызывая,* в зависимости от нашего знания, адекватные *пережитые опыты* (*Erlebnisse*) напрямую, ограничиваясь объяснением пациенту лишь этого про-

---

[36] *Contre-indication de la technique active* (1926). Psychanalyse III. 1974. P. 362–372.

чувствованного, которое ему, естественно, также очевидно»[37].

Понятию *Einsicht* (осознание путем возвращения вытесненного), прописанному классическим фрейдовским методом в духе *Aufklärung* (объяснения), Ференци противопоставляет и рекомендует *Erlebnis, пережитый опыт*. При этом к «активной технике» следует прибегать лишь в экстремальных ситуациях и только на короткое время: она ничуть не должна менять основные правила.

Все же ненадежные результаты и ограниченность метода вскоре убеждают его в слабой эффективности таких техник. Кроме того что они значительно повышают сопротивление пациента, не вызывая при этом большей интенсивности фрустрации или лишения, некоторые пациенты, как кажется, принимают этот рост напряжения, чтобы удовлетворить свой мазохизм и свою мазохистскую позицию именно в рамках лечения. Это ведет лечение в тупик и ставит аналитика в затруднительное положение.

Работа «Противопоказания к активной технике» (1926)[38] знаменует отказ от активных вмешательств и окончание данного этапа поисков.

---

[37] *Perspective de la psychanalyse* (en collaboration avec O. Rank) (1924). Psychanalyse III. 1974, P. 220–236.

[38] *Contre-indication de la technique active* (1926). Psychanalyse III. 1974, P. 362–372.

В этой статье Ференци решается критиковать одновременно и метод, и способы его применения: он констатирует его ограниченность и, по этой причине, неэффективность.

«Гибкость техники»: новые контрпереносные подходы. – В результате, в связи с тем, что накопление вызванного «активной техникой» напряжения, по-видимому, переживается пациентом как повторение предшествующих травм, приведших к формированию его невроза, – позже Ференци выскажется даже «о психоаналитическом травматизме, который хуже, чем первичная травма» – *перспектива* меняется на противоположную.

Отказываясь от самых щадящих форм «активного» вмешательства, он концентрирует свое внимание на том, что, по его мнению, пациент ожидает от своего аналитика, и хочет сделать технический подход достаточно *мягким,* чтобы не обмануть без надобности это ожидание[39]. С этих пор для Ференци важным становится «вчувствование» (Einfühlung), чтобы аналитик чувствовал вместе с пациентом и максимально тактично оценивал, когда, как и в какой форме можно сообщать что-либо последнему[40]. Это отношение *эмпатии*

---

[39] *Élasticité de la technique analytique* (1928). Psychanalyse IV. P. 53–65.

[40] *Le tact, c'est la faculté de «sentir avec».* P. 55.

следует соединить с так называемой техникой *доброты,* чтобы помочь пациенту реально почувствовать *мягкость* и *терпение* со стороны аналитика. Термин «доброта» означает также «аспект аналитического понимания», подразумевающий технику, которая, подобно «эластичной ленте», делает возможными «уступки наклонностям пациента».

Далее возникает вопрос, каковы те ограничения, которые свойственны этой технике, получившей название «гибкой», или, выражаясь другими словами, *до каких пределов* аналитик может вести пациента с ее помощью.

Настойчиво напоминая, что *вторым фундаментальным правилом* психоанализа является *анализ аналитика,* Ференци переформулирует некоторые понятия, касающиеся специфики работы и *контрпереноса* психоаналитика во время лечения. При столкновении с трудными пациентами для него теперь важно постараться обнаружить движущую силу того, что он называет «метапсихологией психических процессов во время анализа». Он выдвигает идею, что аналитическая ситуация требует не только «строгого контроля собственного нарциссизма, но и внимательного наблюдения за разными аффективными реакциями»; фактически речь идет о «непрерывной флуктуации между „вчувствованием“, самонаблюдением и работой мысли». Аналитик должен уметь одновременно и слушать своего пациента, и спрашивать

себя о своих объектных, нарциссических, идентификационных и интеллектуальных инвестициях.

Исходя из этого, Ференци совершает радикальный теоретико-клинический поворот, ознаменовавший окончательный перелом в его мышлении, основные вехи которого отображены в его докладе, представленном в 1929 г. на XI Международном психоаналитическом конгрессе в Оксфорде и опубликованном затем в 1930 г. под названием «Принцип релаксации и неокатарсис»[41].

Теперь речь идет о том, чтобы внедрить технику, благоприятствующую установлению «адекватной психологической атмосферы». Эта техника не должна повторять в рамках лечения те условия, которые, как ему кажется, затрагивают организацию инфантильных травм, что иногда случается при слишком строгом применении классической техники. Обязательная при любых обстоятельствах надежность аналитика, его «постоянная благожелательность» к пациенту, какие бы резкости ни проявлялись в его словах и действиях, позволяют создать новую технику, названную техникой *релаксации* (или *неокатарсисом*), включающую в себя почти безграничную толерантность (принцип дозволенности), которая представляет собой «поощрение, применяемое аналитиком для того,

---

[41] *Principe de relaxation et néocatharsis* (1930). Psychanalyse IV. 1982. P. 82–97.

чтобы почувствовать и продумать до конца значимые психотравматические события»[42].

Доверие пациента к аналитику, то, что последний должен восприниматься как «надежный», а не исполненный «профессионального притворства», предполагает концепцию личной, подлинной и привилегированной связи между пациентом и его аналитиком. Все эти соображения приводят Ференци к методу *дозволенности,* использующему «потворство» и «нежность», которые могут доходить до обмена физическими ласками, как это происходит между матерью и ребенком.

Желание учесть изменения аналитического слушания (как со стороны аналитика и его контрпереноса, так и того, что выражает пациент), модифицировать концепцию «роли» аналитика и аналитических «рамок», придать новый смысл регрессии, которая превосходит теоретическую модель реконструкции, – все это заставляет нас задаться вопросом, не существуют ли на самом деле две разновидности анализа:

- один – «классический», основанный на отцовском аспекте отношений, на снятии вытеснения, воскрешении в памяти, реконструкции и осознании (*Einsicht*);
- другой – более «глубинный», ориентированный на материнский аспект отношений, ре-

[42] I. Barande, *op. cit.* (1972).

грессивный, в котором преобладает пережитый опыт, взаимодействие, довербальность и «вчувствование» (*Einfühlung*).

Этот второй анализ должен позволить аналитику войти в прямой контакт с *ребенком в пациенте* и таким образом ознакомиться с пережитыми им травмами. Нежное обращение с пациентом, исполнение роли любящего и ничего не запрещающего родителя остановило бы и нейтрализовало те несчастья, которые выпали на начало его существования. По мнению Ференци, аналитики, до того времени предпочитавшие искать фантазматическую организацию и внутрипсихическую конфликтность, не придавали должного значения реальному травматическому опыту раннего детства, даже пренебрегали им.

Поэтому Ференци начинает разрабатывать и предлагает новую *теорию травматизма.* Она обсуждается в последующие годы в работах, составляющих основной корпус текстов, рассказывающих об этом теоретическом открытии и свидетельствующих об исследованиях этого последнего периода. Таких текстов четыре. Два были опубликованы при его жизни: «Анализ детей и взрослых» (1931), «Смешение языка взрослых и ребенка. Язык нежности и страсти» (1933); два других изданы посмертно: «*Клинический дневник* (январь–октябрь 1932) (1932) и «Соображения о травматизме» (1934).

Состояния страсти и новые концепции травматизма. – Еще с 1924 г., в краткой статье, озаглавленной «Спровоцированные фантазмы (действие в технике ассоциации)»[43], Ференци пробует рассматривать связи и взаимодействия, которые он видит между ранними инфантильными фантазиями, сексуальным опытом и травматизмом. Его внимание обращено главным образом на инфантильные фантазии *слишком хорошо воспитанного ребенка*.

В этой статье Ференци подчеркивает фантазматическое и травматическое подавление – в смысле установки барьеров перед свободным распоряжением своей бессознательной фантазматической деятельностью, – которое приводит к особой форме идеализированного воспитания, строгого и асексуального. Этот тип травматизма, связанный с *первичным вытеснением* (Urverdrängung) инфантильных фантазий, противопоставляется необходимому «сексуальному травматизму», связанному с инфантильным сексуальным опытом, который, не «вредя нормальности», был бы, наоборот, ее последующей гарантией.

Два разных уровня, две концепции травматического сопоставляются здесь по своему эффекту. Дети, раздавленные в своей фантазматической

[43] *Les fantasmes provoqués* (*Activité dans la technique de l'association*) (1924). Psychanalyse III. 1974. P. 237–244.

свободе слишком строгим воспитанием, «слишком хорошо воспитанные дети» показывают нам ту крайность, относительно которой надо оценивать возможные последствия сексуального травматизма. При условии, что он не слишком «чрезмерный», не слишком «ранний или слишком напряженный», он может стать позитивным, полезным фактором психической организации и развития ребенка.

«Сексуальный травматизм», необходимый для создания «психосексуальной нормальности», может сыграть роль *антитравматического травматизма* и противостоять увечному травматизму, единственному «подлинному травматизму», развивающемуся под влиянием раннего *первичного вытеснения* – следствия особого воспитания и особого фантазматического родительского давления. Это теоретическое положение было предвестником основных формулировок Ференци относительно травматизма, которые мы находим в его работах начиная с 1928 г.

Вначале техника релаксации – неокатрасис – должна приблизить, даже спровоцировать *первоначальное вытеснение.* Однако абсолютная «вседозволенность», заложенная в эту технику, то, что она нарушает фундаментальные правила «классического» курса лечения и методы установления незыблемости рамок, незаметно ведут Ференци в теоретико-клинический тупик, что в конце концов он и сам будет вынужден признать.

Поглощенный массивными регрессивными переносами, в которых символизм уже не действует, погруженный в мир, в котором слова и действия уже не имеют репрезентаций, вынужденный бороться с чередованием слияния и ненависти по отношению к себе и к другим, Ференци *блестяще* уловил, что он *прикован* к *архаичной материнской позиции*[44]. Касаясь впервые этих предобъектных, симбиотических и нарциссических (первичный нарциссизм) зон, в которых слова и действия, «говорить и делать», столкнулись в одном и том же способе выражения, Ференци – в отсутствие адекватного теоретического аппарата – выбирает решение в буквальном смысле слова «слушать» своего пациента: последний, становясь поистине «мудрым младенцем», находящимся в плену агрессий – соблазнов взрослого, то есть аналитика, не имеет другого выхода, как «действительно» вести себя как ребенок, выражающий нападение на него объекта, нападение, которому он «действительно» подвергается. Целиком вовлеченный в этот процесс, Ференци считает, что в этих условиях ему необходимо играть в эти состояния (через Spielanalyse, анализ посредством игры), и «вторит» своему пациенту, одновременно пытаясь «избавить» его от вреда, нанесенного ошибками аналитика и анализа.

---

[44] R. Cahn. *Le procès du cadre ou la passion de Ferenczi* // Revue française de psychanalyse, 52. 1983. № 6. P. 1107–1133.

Очень скоро, вынужденный отойти от техники релаксации (неокатарсиса), стараясь в то же время объяснить свои ошибки контрпереноса, Ференци пробует разобраться в том, что здесь находится «в работе» и что возвращает его к условиям появления первичной травмы. И тогда он делает двойной ход:

- создает другую и последнюю технику, *взаимный анализ,* от которой ждет выхода из этих тупиков переноса и контрпереноса;
- параллельно объясняет, что, по его мнению, ведет к формированию искусственных травматических неврозов, появляющихся во время курса лечения неожиданным и квазиэкспериментальным образом, когда «повтор, поддержанный аналитиком, получается весьма удачным»[45].

Возвращение вытесненного в сознание при помощи анализа травматических событий, вплоть до организации их повтора, чтобы затем наблюдать их с доброжелательным отстранением, проповедуемым «классической» техникой, вероятно, является процессом, идентичным по своей структуре тому, который создает и организует тот самый травматизм, у истоков которых стоит

[45] *Réflexions sur le traumatisme* (1934). Psychanalyse IV. 1982. P. 139–147.

аналитик и анализ. Выражая то, что, как ему кажется, он видит перед своими глазами во время психоаналитического лечения, Ференци развивает следующую теорию:

- травматизм не вытекает ни из шока, ни из тайного инцидента молодости, ни из вытеснения какого-либо воспоминания, ни из бессознательной фантазии какой-либо травмы или соблазнительного посягательства;
- травматизм возникает рано и состоит из двух периодов; он есть результат:

а) некоторых *страстных действий* взрослых, их *языка страсти,* на котором взрослые отвечают на потребности детей в нежности и истине;
б) отрицания взрослыми психической боли, особенно боли ребенка, что может быть пережито им как «терроризм» и привести к образованию преграды на пути свободы его мысли;
с) интроекции бессознательного чувства вины взрослого, что искажает объект любви и превращает его в объект ненависти;

- травматизм можно вновь оживить и удвоить «профессиональным лицемерием» и «технической строгостью» аналитика;
- развивающийся процесс ставит жертву, истощенную своей защитой, в ситуацию, когда

> необходимо покориться неотвратимой судьбе: она уходит от себя самой и наблюдает травматическое событие. С этой позиции жертва в известных случаях может считать своего агрессора больным, сумасшедшим, за которым порой она даже пытается ухаживать, лечить его. Таким образом, иногда ребенок, становящийся с этих пор «мудрым младенцем», может превратиться в психиатра своих родителей.

Противопоставляя то, что есть «нежного» в инфантильном эротизме, и то, что есть «страстного» в эротизме взрослого, Ференци описывает ребенка (пациента), возбужденного и беспомощного, слишком перегруженного (внешне, и особенно внутренне), который, не обладая ни средствами разрядки, ни средствами переработки, оказывается вдруг в полном отчаянии. Эта картина позволяет автору говорить об «идентификации с агрессором» и «интроекции ребенком чувства вины взрослого», которые увеличивают смешение чувств. К «страстной любви» и к «страстным наказаниям», навязанным взрослыми, добавляется «терроризм страдания», то есть обязанность, которую должен взять на себя ребенок, быть тем, кто несет ответственность, лечит и ухаживает за ущербным родителем. Так объясняются «страстные состояния» и «страстные переносы».

Известно, какие нелестные отклики сразу же вызвали эти теоретические инновации со стороны Фрейда, видевшего в них и в сопутствующих им техниках *теоретический регресс,* сопровождающийся *преступным отклонением от курса* своего последователя и друга. Тем не менее, продолжая то, что Фрейд описывал в связи с соблазнением ребенка взрослым еще перед тем, как «отказаться» в 1897 г. от своей «невротики», Ференци фактически возвращается к поставленным, но недоработанным Фрейдом проблемам некоторых аспектов «страстного переноса»[46].

С этих пор, заново сталкиваясь с проявлением квазигипнотических состояний в рамках анализа, Ференци связывает эти «состояния транса» с повторением сексуальных и нарциссических «травм», которые, при их описании, принимают форму любовной связи с обладающим/обладаемым внутренним объектом[47]. Страстный перенос становится одним из способов, которым во время лечения реактивируются исторические «травматические» условия, приведшие к организации расщепления «Я» и к появлению «как будто бы» личности, вторичных по отношению к «терроризму

---

[46] S. Freud (1915). *Observation sur l'amour de transfert //* La technique psychanalytique. Trad. A. Berman. PUF, 1967.

[47] R. Roussillon. *Paradoxes et situations limites de la psychanalyse*. PUF, 1991.

страдания»; вот почему новые техники нацелены на создание оптимальных условий для трансферентного раскрытия того, что когда-то было зафиксировано на регрессивных позициях в один из эволюционных моментов, затем расщеплено и инкапсулировано.

Так, по мысли Ференци, *взаимный анализ,* последняя его техника, должен обеспечить понимание и частичное разрешение всех этих проблем «страстных» клинических случаев, порожденных психоаналитическим лечением. Он тесно связан с концепцией Ференци о травматизме: травматизм является результатом расщепления «Я»; расщепленная часть «Я» трудно поддается анализу; эта расщепленная часть, существующая как у аналитика, так и у пациента, действует в этих условиях как общая травматическая зона для обоих, настоящее темное пятно анализа. Цель взаимного анализа состоит в том, чтобы избавиться от этого темного пятна[48].

Ференци пробует таким образом установить связь между своими контрпереносными позициями и внутренним присутствием травматических «объектов страсти», появляющихся в анализе посредством переноса пациента, переноса, характеризующегося подражанием, подчинением и отказом от собственной ненависти. Этот

[48] C. Janin. *Figures et destins du traumatisme.* PUF, 1996. P. 77–84.

«страстный» перенос устраняется тогда, когда аналитик соглашается признать и ознакомить своего пациента с собственным «страстным» отказом по отношению к последнему. Таким образом, аналитик создает условия для появления «того доверия <…> которое определяет контраст между настоящим и невыносимым травматогенным прошлым»[49].

Все же очень скоро Ференци вынужден в очередной раз сдаться перед очевидным фактом. Результатом его последней техники является усиление ситуации, против которой она изначально была разработана, – «соблазна», созданного аналитиком и анализом в отношении пациента. Впрочем, какой смысл можно придать этой странной материи, про которую так трудно узнать, как она организована и кому ее приписать – пациенту или аналитику? Ференци приходит к заключению, что взаимный анализ свидетельствует о недостаточности его личного анализа из-за контрпереносных затруднений, которые он встречает в рамках практики некоторых сложных анализов. Отсюда и болезненная и горькая констатация 3 июня 1932 г. в *Клиническом дневнике*[50]: «Взаимный анализ – всего лишь крайнее средство! Подлинный

[49] *Confusion de langue entre les adultes et l'enfant* (1933). Psychanalyse IV. 1982. P. 125–138.

[50] *Journal clinique* (janvier–octobre 1932) (1932). P. 172–173.

анализ с чужим, без всяких обязательств, был бы предпочтительней».

Радикализация и пределы техники. – Серьезный урок смирения и аналитической истины, вытекающий из *Клинического дневника,* свидетельствует об отчаянной попытке его автора провести как можно более качественное исследование «опыта» контрпереноса и терапии. Этот документ, имевший изначально сугубо личный характер, ибо речь идет о ежедневных записях, можно понять как упрек Ференци Фрейду, как результат родительского и идеализирующего «неанализированное» – «неоконченное», или «бесконечное»[51] – негативного переноса на Фрейда, от которого его гениальный ученик и последователь желал бы получить, посредством своих технических инноваций, *подкрепление материнских истоков.* Это то, чего Фрейд, занятый в свою очередь собственным нерешенным контрпереносом, никогда не понял и не принял по-настоящему. С этой точки зрения очевидно, что «взаимный анализ» был начат из желания Ференци вновь оказаться рядом с Фрейдом, фантазматически поставленным в материнскую позицию, преконфликтную, преамбивалентную, близкую к *первичной любви.*

---

[51] S. Freud (1937). *Analyse avec fin, analyse sans fin* // S. Freud. Résultats, idées, problèmes, II. Trad. J. Altounian, F. Bourguignon, P. Cotet, F. Rauzy. PUF. P. 231–268.

Поэтому неудача и драма Ференци, занятого радикализацией некоторых своих теоретико-практических положений, состоит в том, что в какие-то моменты он смешивал *аналитический метод* с *аналитической техникой.* Это смешение берет начало в слишком сильной идентификации с пациентом, который в анализе действительно становится «ребенком, отображающим нападения, „реально“ исходящие от объекта». В такие минуты страстного переноса, больше не имея возможности *репрезентировать* внутренние (проективные и интроективные) объекты пациента, и сам *становясь* внутренним объектом, Ференци блокирует процесс символизации и обработку процесса. Когда эта драматическая (психодраматическая) игра предложена пациенту, он может прибегнуть только к «отреагированию вовне» и к эвакуации внутреннего объекта, который опустошает его психическую реальность. Разделение между внутренним и внешним объектами ликвидировано. Когда смешение между аналитиком и пациентом сохраняется («взаимный анализ»), анализ порождает массивную регрессию, после которой пациенту будет очень трудно восстановиться.

Перепутав взрослую структуру с инфантильной структурой личности, Ференци низводит взрослого до ребенка и, вероятно, забывает, что перед ним инфантильные аспекты его пациента и *бывшего ребенка* в этом взрослом.

Похоже, Ференци абсолютно не в состоянии принять во внимание, что *язык страсти* – источник страстных состояний – способен нанести травму, ибо он соблазняет ребенка по мере того как передает один или несколько ему *самому неизвестных* смыслов, демонстрируя этим импринтинг и присутствие родительского бессознательного.

Далее, рамки уже не считаются проекционным пространством, местом трансферентной актуализации некоторых прошлых ситуаций, а являются актуальной средой, актуальным источником травматического повторения. Таким образом, Ференци начинает заниматься тем, что сегодня принято называть «процессом рамок»[52], вместе с процессом «исторических соблазнителей»[53], а при таком подходе то, что является структурным, воспринимается как генетически травматичное, и как диахроническое и приобретенное воспринимается то, что, наоборот, есть всего лишь серия дуализмов, или разделений, присущих субъекту.

Не имея в своем распоряжении понятия проективной идентификации, что позволило бы ему оторваться от некоторых «предельных» аспектов трансферентного процесса во многих из его «трудных» случаев, Ференци опирается на свои интроективные контрпереносные идентификации, что-

[52] R. Cahn, *op. cit.* (1983).

[53] R. Roussillon, *op. cit.* (1995).

бы «слышать» психоаналитический процесс своих пациентов и «чувствовать» то, что пациенту не удается интегрировать: ненависть, гнев, ярость, отстранение, тоску, отчаяние, беспомощность… Так, ему приходится «переживать» то, что пережил «соблазненный ребенок» (соблазненный пациент). Пытаясь вернуть это пережитое пациенту, представляя его, Ференци не понимает, что с этого момента он сам находится в положении соблазненного ребенка, ставшего, в свою очередь, настоящим «мудрым младенцем», принужденным к «сверхвзрослению» и к бессознательной идентификации с взрослым, который заботится о родителе соблазненного ребенка. Посредством взаимного анализа, став пленником инверсии, обусловленной аналитической ситуацией, Ференци понял, что его практика была не только *трансгрессивной*[54], но *и мешала его личным интерпретационным способностям*[55].

Несмотря на это, какова бы ни была ограниченность его последних исследований, большая заслуга Ференци – заслуга, которую призна́ют последующие поколения, – состоит в том, что он

54 G. Rosolato. *La psychanalyse transgressive*. Topique. 1980. № 26. P. 55–82.

55 J. Guillaumin. *Fliess–Freud–Ferenczi* (*Création permise et création refusée: succès et échecs de la transmission dans l'appropriation identifiante du négatif*) // Pouvoirs du négatif dans la psychanalyse et la culture. Champ-Vallon, 1988. P. 83–99.

сумел раздвинуть рамки проблемы соблазна, ранее теоретически разработанной Фрейдом, и предложил ее развитие, считая травматическую этиологию результатом либо *психического насилия* над ребенком со стороны взрослого, либо *смешения языков* между ними, либо же *отказа* взрослого понять *отчаяние* ребенка. Когда эти формы психического разрыва срабатывают, дисквалифицируя и отрицая роль мышления и аффектов, это ведет к появлению в психике ребенка *травмы, вызывающей расщепление*. С этой точки зрения у пациентов, которыми занимается Ференци, речь идет уже не о естественной судьбе либидо, а о крайних состояниях психической, даже физической боли – *агонии психической жизни*.

Понятие «мудрого младенца» (1924–1932): инфантильность, травма и паралич психической жизни

В 1923 г. Ференци в краткой клинической записке «Сон о мудром младенце»[56] отмечает интерес, который представляет одно сновидение (по его мнению, оно может быть классифицировано как «типическое»). В нем действует очень маленький ребенок (новорожденный или грудной), который

[56] *Le rêve du nourrisson savant* (1923). Psychanalyse III. 1974. P. 203.

ведет перед взрослыми взрослые же разговоры «с высоты» своего уровня взглядов, очень глубоких: «Мы довольно часто слышим, как пациенты рассказывают сны, в которых новорожденные, очень маленькие дети или младенцы в пеленках с легкостью пишут, восхищают окружающих мудрыми речами или поддерживают беседу, требующую эрудиции, выступают, дают научные разъяснения и т. д. Содержание этих снов, думается, скрывает что-то типическое».

Ференци предлагает для этой ситуации четыре уровня интерпретации:

а) Высмеивание анализа тем, кому снится сон, из-за значения, который аналитический процесс придает детству. «Первая поверхностная интерпретация сна часто ведет к ироническому восприятию психоанализа, который, как мы знаем, придает намного большее значение и приписывает большее психическое влияние переживаниям раннего детства, чем это обычно делается. Это ироническое преувеличение интеллектуальности совсем маленьких детей, следовательно, ставит под сомнение психоаналитические сообщения на эту тему», – пишет Ференци.

б) Желание со стороны того, кому снится сон, укрепить свое превосходство над взрослым, способностям которого он завидует (когда-то это были его родители, теперь аналитик):

«Желание стать ученым и превзойти „взрослых“ в мудрости и знании означает не что иное, как положение, обратное тому, в котором находится ребенок».

в) Наглядное изображение фантазии, когда-то прежде неисполнимой, иметь сексуальные отношения с той, которая кормит его грудью: «Часть сновидений такого содержания, которые мне удалось исследовать, иллюстрируются известными словами одного распутника: «Как жаль, что я не сумел получше воспользоваться своим положением сосунка!». Здесь следует отметить, что Ференци опирается на интерпретацию, предложенную Фрейдом в комментарии ко сну, названному «Три Парки», по ассоциации пришедшей ему в голову в связи с «женской грудью, напоминающей ему одновременно о голоде и любви»: здесь имеется в виду анекдот о «молодом человеке, большом любителе женской красоты, который однажды, когда речь зашла о прекрасной кормилице, имевшейся у него в детстве, выразил сожаление, что не смог наилучшим образом воспользоваться ситуацией»[57].

г) Наконец, выражение желания вновь приобрести знания детства, которые когда-то были

[57] S. Freud (1900). *L'interprétation des rêves*. Trad. I. Meyerson. PUF, 1967. P. 181–182.

вытеснены: «В конце концов не следует забывать, что ребенок действительно обладает большим количеством знаний – знаний, которые позже будут погребены посредством сил вытеснения». Ференци по этому поводу добавляет в сноске, что он не думает, будто исчерпал интерпретации этого типа сна, который, наряду с прочим, иллюстрирует «реальное знание детей о сексуальности».

Итак, посредством анализа «сна о мудром младенце» Ференци в 1923 г. обращает особое внимание на логические трудности, связанные с *незрелостью* маленького ребенка, которая свойственна как психическому, так и физиологическому его устройству и которую, становясь взрослым, он пытается психически компенсировать. Здесь же Ференци описывает ребенка (пациента) с ярко выраженными влечениями, жизнерадостного, в полной физической силе и с хорошим психическим «здоровьем», что в каком-то смысле отражено в приведенной выше юмористической реплике распутника.

В последующие годы, опираясь на свои концепции травматизма, Ференци вновь берет за основу «мудрого младенца» и развивает это понятие в ином свете, придавая ему новый статус как в клиническом, так и в метапсихологическом плане.

Речь уже не идет об описании психической конфигурации обладающего влечениями ребен-

ка, ставшего *невротическим* взрослым (носителем *влечений* и связанных с ними конфликтов), который во время анализа и в рамках развития своего невроза переноса предлагает придать этому последнему перспективу с точки зрения его инфантильного невроза. Для Ференци, наоборот, речь идет о том, чтобы проиллюстрировать теперь психическую конфигурацию совсем другого типа – ребенка, *личность которого травмирована и нарциссически уязвлена,* ставшего *расщепленным* взрослым по причине импринтинга его *травмы,* корни которой находятся, по мнению Ференци, в *смешении* между языком нежности, то есть языком ребенка, и языком страсти, являющимся языком взрослых.

Выявляя в рамках лечения риски, которые вызывают определенные бессознательные контротношения аналитика – если он, во время анализа, выступает как «воспитатель», увлеченный «педагогической» страстью, – Ференци проводит параллели между ребенком, травмированным «смешением языка», и пациентом, чьи старые травмы воскрешены и даже удвоены «профессиональным лицемерием» и жесткостью используемой аналитиком техники.

В таком случае, говорит Ференци, аналитический процесс имеет дело с пациентом/травмированным ребенком, который, измученный собственными защитами, уходит из своей психической

сферы, испытывает нарциссическое расщепление и наблюдает травматическое событие, покоряясь неотвратимой судьбе «мудрого младенца». Ференци отмечает: «Таким образом, мы присутствуем при воспроизведении психической и физической агонии, вызывающей немыслимую и нестерпимую боль». Эта боль воспроизводит ту – из раннего детства, имевшую место в связи с травмой, которая, возможно, имела сексуальную природу; ее последствием, согласно точке зрения, которая часто фигурирует у Ференци, является «расщепление личности на одну часть, страдающую, но предельно деструктивную, и на другую – всеведущую, но бесчувственную». С этой позиции, травмированный пациент/ребенок может в известных случаях считать агрессора (в данном случае, психоаналитика) больным, сумасшедшим; иногда он даже пробует заботиться о нем, лечить его, так как раньше, являясь истинным «мудрым младенцем», возможно, был психиатром своих родителей.

В докладе «Анализ детей и взрослых»[58], с которым он выступил 6 мая 1931 г., в Вене, по случаю 75-летнего юбилея Фрейда, Ференци вновь затрагивает некоторые клинические ситуации, во время которых появляются сны о «мудром младенце».

---

[58] *Analyse d'enfant avec les adultes* (1931). Psychanalyse IV. 1982. P. 98–112.

Сравнивая отношение перенос – контрперенос с отношением нежная мать – ребенок, Ференци подчеркивает важное значение аффектов, выражаемых аналитиком: «Если в аналитической ситуации пациент чувствует себя раненным, разочарованным, слабым, он иногда начинает, как брошенный ребенок, играть сам с собой. У нас создается отчетливое впечатление, что покинутость ведет к расщеплению личности. Одна часть его личности начинает играть роль матери или отца по отношению к другой и таким способом, если можно так выразиться, аннулирует заброшенность».

Расщепление, которое Ференци называет «нарциссическим саморасщеплением», ведет к «изоляции одной из частей тела (лицо, рука, палец ноги и т. д.); в этот момент она начинает представлять всего субъекта целиком. Чаще всего расщепление является внутрипсихическим состоянием и развивает в субъекте, благодаря его способностям к «аутосимволическому восприятию», одну «чувствительную, но диффузную» часть, сосуществующую с другой частью, которая «знает все», но ничего не чувствует. Об этом расщеплении, обозначенном как «первичный процесс вытеснения», можно говорить тогда, когда некоторые фантазии или пересказы снов выдвигают на первый план голову (орган мышления), отделенную от тела (сомато-психическое расщепление).

«В одном из моих случаев ум несчастного ребенка проявлялся во время анализа в фантазиях как отдельная личность, задачей которой было быстро прийти на помощь почти смертельно раненному ребенку», – рассказывает Ференци, вспоминающий в связи с этим образ «мудрого младенца».

Понятие «мудрого младенца» во второй раз упоминается Ференци в докладе «Смешение языка взрослых и ребенка. Язык нежности и страсти»[59], с которым он выступает на XII Международном психоаналитическом конгрессе в Висбадене в сентябре 1932 г.

Здесь Ференци ссылается на образ «мудрого младенца», чтобы проиллюстрировать развитие гипервзрослости, вызванной психическим шоком: «Очевидно, что сильное страдание и особенно страх смерти способны воскресить и неожиданно активизировать латентные предрасположенности, еще неинвестированные, которые ждали своего созревания в полной тишине». Противопоставляя этот процесс регрессии, Ференци говорит о «травматической прогрессии», даже раннем взрослении. «Мы можем вспомнить о фруктах, которые созревают и наполняются вкусом слишком быстро, если птица повредила их своим клювом, а так-

[59] *Confusion de langue entre adultes et l'enfant* (1933). Psychanalyse IV. 1982. P. 125–138.

же об ускоренном созревании червивого фрукта. Шок может подтолкнуть какую-то часть личности к мгновенному взрослению – не только в эмоциональном, но и в интеллектуальном плане». Здесь Ференци вновь вспоминает метафору «мудрого младенца» и добавляет: «Страх перед распоясавшимися взрослыми, в каком-то смысле сумасшедшими, превращает ребенка, если можно так выразиться, в психиатра; чтобы защитить себя от опасности со стороны разнузданных взрослых, он прежде всего должен уметь идентифицироваться с ними».

В клинической заметке, датированной 24 ноября 1932 г.[60], Ференци вновь возвращается к идее «раннего взросления»: «*Жизненная опасность* принуждает к раннему взрослению. Очевидно, вундеркинды развивались таким образом – и не выдерживали (break down)». Несколько дней спустя, 30 ноября 1932 г., в одной самоаналитической, почти завещательной записи[61] он отмечает: «Идея *wise baby* (*мудрого младенца*) смогла осенить лишь *wise baby*».

Если автору метафоры «мудрого младенца» можно сделать упрек, что, начиная с 1931 г. он убирает составляющую влечений в пользу нарцис-

[60] *Notes et fragments* (1932) // Articles posthumes. Psychanalyse IV. 1982. P. 310.

[61] Ференци умрет через полгода.

сической составляющей и ставит акцент на теории инфантильности, видящей в действиях бедного, невинного и безоружного ребенка жертву мира взрослых соблазнителей, губящих его и потому являющихся психическими насильниками, все же, думаю, мы должны быть обязаны Ференци не только тем, что он дал импульс плодотворной и новаторской «теории» об «инфантильном», позволяющей исследовать статус «инфантильного» в «теории»[62], но особенно тем, что он раньше других уловил мутативное значение связи понятия травмы с понятием расщепления, сумев в то же время придать понятию «нарциссического расщепления» благородный образ.

Клинический дневник (*январь–октябрь 1932*): *Пара травма–расщепление*

Как указывает заглавие этой публикации, которому мы обязаны издателям, мы имеем дело с *клиническим дневником*. Таким образом, эта работа представляет собой исключительный документ, так как речь в нем идет сколь о пациентах, столь и об авторе в связи со всеми испытаниями, которые Ференци прошел в горниле психоаналитического лечения. С необычайной честностью

---

[62] T. Bokanowski, C. Janin. *Le concept de «nourrisson savant»* (*Un échange épistolaire*). RFP, 58, 3, 1994. P. 821–830.

и откровенностью день ото дня в течение нескольких месяцев он фиксирует сложности переноса и контрпереноса, вызванные работой с самыми трудными пациентами. К этому следует добавить сомнения и возобновление дискуссии, касающейся обоснованности «взаимного анализа», последней техники, которая позволила достичь многого, но все же вызывает вопросы относительно самых важных, фундаментальных параметров исследования. Вот почему эти ежедневно заполняемые страницы с редко встречающимися простотой и целомудрием передают не только чувства, впечатления, интуицию и новые идеи Ференци, но и сомнения, замешательство, неясности, даже теоретическую слабость, с которыми он сталкивается в своих исследованиях.

Интересы Ференци сосредоточены в «Дневнике» в основном вокруг трех осей:

- теоретическая ось, касающаяся травмы и ее метапсихологического статуса в патологиях в пределах классического анализа;
- техническая ось, тесно связанная с концепциями травмы, ведущая к созданию и практическому использованию «взаимного анализа»;
- наконец, личностная ось, касающаяся сути его отношений с Зигмундом Фрейдом, анализа их разногласий, а также предпринимаемых попыток их проработки.

Теоретическая ось: травма. Это главная ось «Дневника». Она связана с желанием Ференци шаг за шагом построить свои теоретические гипотезы относительно *травмы.* В то же время, когда он пытается наблюдать, как они могут помочь в плане управления контрпереносом при столкновении с некоторыми типами страстных переносов, он видит в них средство, помогающее в ежедневной тяжелой работе с *пограничными» пациентами.* Интуитивно чувствуя экономическое и метапсихологическое значение пары *травма–расщепление,* Ференци видит в ней ту *красную нить,* которая является ключом к пониманию определенных сложных случаев, вплоть до связанных с ними переносно-контрпереносных тупиков. На протяжении всей работы над «Дневником» в центре его размышлений остается мутативное значение понятия травмы и понятия расщепления. Сейчас мы попробуем проследить главные вехи этих размышлений.

Клинические заметки от 12 января 1932 г. («Дневник» начинается с 7-го) о пациентке с инициалами Р. Н. дают Ференци повод остановиться на проблеме расщепления и попробовать очертить его контуры в метапсихологическом плане в сравнении с очертаниями травмы.

Эта пациентка, которую он называет также «Орфа», подверглась трем покушениям на сексуальное насилие (соблазнам) в период между ран-

ним детством и предподростковым возрастом: первое случилось в возрасте полутора лет, второе – пяти, и третье, изнасилование, – в одиннадцатилетнем возрасте. Эти травмы, вписанные в психику пациентки, привели к «атомизации ее психической жизни», к настоящему раздроблению личности, пишет Ференци, считающий, что результатом фрагментации, вызванной последовательными расщеплениями, является организация «своего рода искусственной психики для тела, вынужденного жить».

Исходя из клинических принципов, разработанных во время лечения Р. Н., Ференци описывает ряд последствий расщепления, возникшего в связи с различными травматическими ситуациями, сложившимися у пациентки до наступления отрочества:

- фиксация, внутри уже взрослой личности, на «соблазненной девочке». Эта взрослая женщина предстает как преисполненная влечений; возбужденная, она может ослабить эти свои возбуждения, только контринвестируя и защищая их при помощи сомнамбулического транса истерического типа. Аналитик «с большим трудом» может «войти в контакт» с этой частью, с «чистым вытесненным аффектом», пишет Ференци: эта часть «ведет себя как истощенный ребенок, который ничего

о себе не знает, который только жалуется и которого надо психически, а иногда и физически встряхнуть», добавляет он;

- разные фрагментации путем девитализации психики и обесценивания чувств, переживаний и ощущений создают личность «без души», «бездушное тело»;
- эти фрагментации могут дойти до атомизации, вплоть до распыления психической жизни.

Сегодня это напоминает «ложную самость», описанную Д. В. Винникоттом, или «как будто бы» личность. По нашему мнению, обесценивание чувств и переживаний, о которых говорит здесь Ференци, стоят у истоков девитализации либидинального совозбуждения.

С этого момента, желая придать общую структуру клинической картине, Ференци описывает эффекты разных расщеплений следующим образом:

«На первый взгляд „индивидуум" состоит из таких частей: а) на поверхности – существо живое, способное, активное, с хорошо и даже очень хорошо, отрегулированным механизмом; б) за ним существо, которое ничего больше не хочет знать об этой жизни; в) за этим уничтоженным „Я" пепел предшествующей душевной болезни, оживляющейся каждую ночь пламенем этого страдания; г) сама болезнь как отдельная бессо-

знательная и бессодержательная аффективная масса, собственно говоря, остаток человеческого существа»[63].

Изучая эти заметки, можно сказать, что для Ференци расщепление, как и фрагментация, накоротко замыкаются с механизмами вытеснения. Следовательно, он понимает и лечит инфантильную амнезию как феномен, вторичный по отношению к расщеплению, настоящий *Spaltung,* связанный с шоковым эффектом травмы. Исключенная часть воспоминания как бы выживает тайно: будучи отщепленной от своих возможностей репрезентации невротическим способом, она не передается словами, но проявляется телесно (истерические трансы).

Та же пациентка побуждает его немного позже, 24 января 1932 г., задать себе вопрос о *содержании* расщеплений: «Каково содержание расщепленного „Я“? <…> Содержание расщепленного элемента – это всегда естественное развитие и спонтанность; протест против насилия и несправедливости; презрительное, даже саркастическое и ироническое подчинение, осуществленное под давлением, при полном знании того, что насилие ничего не добилось – оно изменило лишь объективные вещи, формы решений, но не самое „Я“ как таковое; самоудовлетворение

[63] *Journal clinique* (janvier–octobre 1932) (1932). P. 54.

от этого перформанса, ощущение, что ты выше, умнее, чем грубая сила <…>»[64].

Ференци описывает здесь один из способов «самоизлечения» путем развития у субъекта *нарциссического расщепления,* что делает возможным образование нарциссизма вроде бы защитного, но могущего стать и «мегаломанией». Мы увидели, в связи с метафорой «мудрого младенца», метапсихологическое значение и клинические последствия, которые Ференци присваивает понятию нарциссического расщепления.

Это описание приближается, по нашему мнению, к тому, которое сделает Хайнц Кохут тридцать лет спустя в связи с определенным нарциссическим состоянием, названным им «грандиозным „Я“»[65].

После того как Ференци описал *паралич мыслительной деятельности* как вторичный эффект травмы, он рассматривает в своих записях проблему *отказа,* видя в нем механизм, призванный усилить вытеснение[66]. Но в важной записи от 21 февраля 1932 г., озаглавленной *«Фрагментация»,* он поднимает вопрос о *работе аналитика,* оказавшегося перед лицом травматического случая и рас-

---

[64] *Ibid.* P. 63–64.

[65] H. Kohut (1971). *Le Soi. La psychanalyse des transferts narcissiques.* Trad. M.A. Lussier. PUF, 1974.

[66] *Journal clinique* (janvier–octobre 1932) (1932). P. 72.

щепления: «Психические преимущества: уменьшение неудовольствия, вытекающее из особого выделения некоторых смысловых связей и отказа от этих связей. Расщепление на две личности, которые ничего не хотят знать друг о друге и которые объединяются вокруг разных стремлений, притупляет субъективный конфликт <…>. Задача аналитика: устранить расщепление»[67].

Здесь для Ференци вопрос состоит в том, чтобы «возродить» отщепленную «мертвую» часть, которая, будучи в спячке, все же еще может находиться в «агонии тревоги». Способ удаления расщепления должен быть выработан умением аналитика «осмыслить» травматическое событие, добавляет он. Иными словами, говоря современным аналитическим языком, работа аналитика состоит в том, чтобы предложить пациенту мысли и представления, способствующие – через репрезентацию слов – переквалификации аффекта. Это дает долгосрочную надежду на придание агонизирующим зонам новой символизации и новой психической составляющей. Ференци продолжает, делая следующий предварительный вывод: «Остается открытым вопрос о том, не существует ли случаев, когда воссоединение целого, расщепленного травматизмом, так невыносимо, что не происходит до конца, а пациент частично остается отме-

[67] *Ibid*. P. 87–88.

ченным невротическими чертами, вплоть до того, что еще глубже уходит в небытие или в желание не быть»[68].

Здесь еще раз надо отдать должное исключительной клинической интуиции Ференци, который подчеркивает прогностическое значение *негативных процессов* в психике и в анализе.

Вместе с тем, как указывается в заметке от 25 марта 1932 г., *перенос* и позитивные отношения, установленные с пациентом, помогают создать определенные контринвестиции, которые не могли быть сделаны в момент травмы, и позволяют таким образом постфактум значительно сократить расщепление: «В переносе предоставлена возможность оказать защиту и поддержку, отсутствовавшие в момент травмы <…>. Позитивные чувства переноса дают возможность осуществить в последующем контринвестицию, которая не могла состояться в минуту травмы <…>. Если травма поражает психику или тело без подготовки, то есть без контринвестиции, тогда она действует на тело и на разум разрушающе, пертурбационно, посредством фрагментации. Сила, стремящаяся сохранить единство фрагментов и отдельных элементов, отсутствует»[69].

---

[68] *Ibid*. P. 89.

[69] *Ibid*. P. 121–122.

Понятие «мудрого младенца» приводит Ференци в заметке от 7 апреля 1932 г. к возрождению главной идеи о «чужих расщепленных трансплантатах»: «Я обязан некоторым пациентам представлением, описанным мной в другой работе, о том, что взрослые насильно навязывают личности ребенка свою волю и особенно психические смыслы неприятного содержания; эти чужие расщепленные трансплантаты прозябают на протяжении всей жизни в другом человеке»[70].

«Чужой трансплантат», по Ференци, отвечает за процесс, который благоприятствует расщеплению, получая в результате «имплантацию в душу жертвы психических смыслов, доставляющих огорчение, причиняющих боль и напряжение»[71]. Эта имплантация приводит ребенка к *интромиссии*[72] соблазнительных фантазмов, которые, благодаря их первичному и сексуализированному характеру, становятся травмирующими.

Через метафору «мудрого младенца» Ференци пытается в клиническом аспекте разъяснить эффект некоторых ранних травм.

Здесь Ференци описывает ребенка (пациента), возбужденного и беззащитного, слишком пере-

---

70 *Ibid.* P. 135.

71 *Ibid.* P. 130.

72 J. Laplanche (1990). *Implantation, intromission.* Psychanalyse à L'Université. V. 15, № 60, 1990. P. 155–158.

груженного (внешне, но особенно внутренне), который, не имея в своем распоряжении ни средств разрядки, ни средств переработки, вдруг приходит в состояние абсолютной беспомощности. «Посредством своего удивительного инстинкта (он), хотя и против воли, ассимилирует безрассудные и безумные вещи, но сохраняет собственную личность, изначально отделенную от аномального. (Здесь доступ к постоянному раздвоению личности.) Элемент личности, выдворенный из собственных рамок, представляет ту настоящую первичную личность, которая постоянно протестует против любой аномальности и очень от нее страдает»[73].

Ференци считает, что на основании этих замечаний он может точно указать то *психическое место,* куда *первоначально* вписывается травма и импринтинги, подлинные мнестические следы; он пишет: «Возникает вопрос, а не следует ли каждый раз искать первичную травму в первоначальной связи с матерью, может ли травма более позднего периода, уже отягощенного появлением отца, иметь такой же эффект, если нет травматического рубца в отношении мать–ребенок», архиначального (Ururtraumatisch). Быть любимым, быть центром вселенной является естественным эмоциональным состоянием младенца – не маниакальным состоянием, а реальным фактом. Пер-

---

Journal clinique (janvier–octobre 1932) (1932). P. 135.

вые разочарования в любви (отнятие от груди, регулирование экскреторных функций, первые грубые порицания от посредника, угрозы, вплоть до наказания) наверняка имеют травматический эффект, мгновенно парализующий психику. Дезинтеграция, вытекающая отсюда, порождает новые психические образования. В частности, можно предположить, что в этот момент происходит расщепление»[74].

Здесь можно увидеть способ, которым Ференци открывает новые пути к клиническому подходу и клинической интерпретации. Для него ясно, что сбои в материнском окружении, вплоть до провала антивозбуждающей и вмещающей способности матери – по причине слишком большого раннего соблазна, который она индуцирует, – порождают *Ururtraumatisch*. Это вызывает у субъекта дефекты символизации, отчуждение «Я», невозможность зарождения базового чувства близости к реальности, состояние первичного насилия, трудности аутоэротизма, становящиеся в этих условиях основой для отказов и расщеплений, составляющих, таким образом, базу для генезиса извращений и пограничных состояний.

В отсутствие адекватных концептуальных метапсихологических инструментов, которые позволили бы глубже исследовать эти клинические

[74] *Ibid*. P. 137.

случаи с помощью параметров «классических» рамок, Ференци разрабатывает последнюю технику, которая могла бы, по его мнению, создать условия для близкого постижения реальности «травматического рубца в отношении мать–ребенок, архиначального (*Ururtraumatisch*)». Эта техника – *взаимный анализ* – если даже и позволяет ему добиться некоторого прогресса в понимании травматических организаций, фактически приводит лишь к малоубедительным, даже разочаровывающим результатам. Будучи не в состоянии подтвердить пригодность метода, он все же должен попытаться показать его полезность. Это вторая ось «Дневника».

Техническая ось: взаимный анализ. – Как мы видели выше, этот анализ тесно связан с представлением Ференци о травме. Ференци пробует установить связь между своими контрпереносными позициями и внутренним присутствием «страстных» травматических объектов, появляющихся в анализе посредством переноса пациента – переноса, характеризующегося мимикрией, повиновением и отрицанием ненависти (в рамках негативного переноса, который не мог быть упомянут). Этот «страстный» перенос устраняется тогда, когда аналитик соглашается признать и ознакомить своего пациента с собственным «страстным» отрицанием последнего. Таким образом, аналитик создает

условия для «того доверия <…>, которое определяет контраст между настоящим и невыносимым, травматогенным прошлым»[75].

Все же очень скоро Ференци вновь вынужден сдаться перед очевидным фактом.

Результатом применения этой техники взаимного анализа является укрепление ситуации, против которой она изначально была создана, – «соблазна», продуцируемого аналитиком и анализом по отношению к пациенту. Впрочем, какой смысл можно придать этой странной материи, про которую трудно понять, как она организуется и кому – пациенту или аналитику – ее приписать? Из-за контрпереносных затруднений, с которыми он сталкивается в связи с некоторыми сложными анализами, Ференци приходит к выводу, что его техническая инновация – «взаимный анализ» – фактически свидетельствует о *недостаточности его личного анализа.*

Личностная ось: отношения с Фрейдом. – Об этом аспекте «Дневника», касающемся отношений Ференци с Фрейдом, мы упомянем здесь лишь вкратце.

Ференци неоднократно ставит перед собой и пытается разрешить узловые вопросы разно-

---

75 *Confusion de langue entre les adultes et l’enfant* (1933). Psychanalyse IV. 1982. P. 125–138.

гласий аналитического толка со своим бывшим аналитиком. Упреки Фрейду в основном сводятся к тому, что тот не знал как или не смог поддержать другой тип переноса, кроме родительского и «воспитательного». Он заявляет о темных пятнах этого переноса, связанных с контрпереносными затруднениями. Они отняли у него возможность анализа *негативного переноса,* а также развития всех форм регрессии и определили «недостаточность», даже «провал» его анализа. Все это порой приводит Ференци к горьким и несколько эмоциональным соображениям, как, например, в заметке от 17 марта 1932 г.: «Остается записать мне в актив тот факт, что я сопровождаю своих пациентов очень далеко и могу при помощи моих собственных комплексов, если так можно выразиться, плакать вместе с ними. Если к тому же я обретаю способность сдержать в подходящий момент эмоции и потребность в релаксации, то я с уверенностью могу предсказать успех. Мой собственный анализ не смог проникнуть достаточно глубоко, потому что мой аналитик (натура нарциссическая, по его собственному признанию) с его твердым решением остаться в добром здравии и с его антипатией к слабостям и аномалиям, не смог последовать за мной в эту глубину и слишком быстро перешел к воспитательному аспекту»[76]. Упреки,

[76] *Journal clinique* (janvier–octobre 1932) (1932). P. 135.

неоднократно обращенные Ференци в адрес Фрейда относительно отказа от анализа его *негативного переноса* (его *ненависти в переносе*) скрывают, по всей видимости, упрек в отказе от анализа его *материнского переноса* и последовавшей из этого *депрессии переноса,* депрессии, связанной с первичной размерностью[77].

Итак, в постоянном стремлении к новому анализу с Фрейдом Ференци обращается к своему «Дневнику», пытаясь уйти от переносно-контрпереносного тупика, влияние которого он чувствует и который в свое время не мог, из-за отсутствия адекватных теоретических понятий, быть проанализирован.

Несмотря на тупики, с которыми сталкивается Ференци, мы видим здесь, как, начиная с наблюдения интрапсихических напряжений, связанных с *метапсихологией пары травма–расщепление,* строилась *in statu nascendi* (с момента возникновения) его теория травмы. Неоспоримо, что одной из его великих заслуг является попытка очень откровенно и со смирением поведать о сложной переносно-контрпереносной работе, которую предполагают клинические состояния, отсылающие нас к трудноразрешимым проблемам первичного и первоначального. Чтение этого выдающегося

---

[77] T. Bokanowski (1993). *La dépression de transfert de Ferenczi.* Études freudiennes. № 34. P. 225–238.

документа позволяет нам увидеть Ференци в горниле развития его последних теоретико-практических идей и оценить огромный клинический и теоретический талант, если не сказать гениальность, его автора.

Наследие идей Ференци с точки зрения теории

В свете статей, написанных Ференци начиная с 1926–1927 гг. и до создания *Клинического дневника,* психические категории, исследованные клиникой и практикой Ференци, являются последствиями:

- аутоэротических нарушений;
- метаморфоз первичной любви и первичной ненависти;
- недостаточности на уровне первичного нарциссизма и нарциссических расщеплений;
- дефектов символизации и расстройства мышления;
- состояний измененного «Я» (пограничные состояния);
- анаклитических депрессий, вплоть до эссенциальных депрессий[78].
- страстных переносов и т. д.

В основе этой клиники и этой практики лежат аспекты, касающиеся соотношения категорий

[78] В смысле психосоматической теории Пьера Марти.

первичного и первоначального с классическими эдиповыми категориями. Однако, чтобы разработать их клинически и теоретически, Ференци недоставало понятий *отрицания* и *расщепления* – в той редакции, как они будут сформулированы впоследствии, исходя из идей Фрейда[79], а также понятий патологической *проективной* (Мелани Кляйн) и нормальной (У. Р. Бион) *идентификации*. Можно также сказать, основываясь на современных теоретических концепциях, что ему недоставало *теории негативного*. И все же именно понятия, связанные с категорией негативного (устранение смешения влечений, необходимые негативные переносы, непреодолимые негативные терапевтические реакции, «бесконечный» анализ и т. д.), являются целью его последних исследований.

Поэтому на всякий случай напомним еще раз главные положения его теоретических размышлений, позволяющие утверждать, что он был пионером в создании инструментов, необходимых для разработки клинических категорий, связанных с отчаянием и истощением, вплоть до агонии психической жизни:

- черта, необходимая для аналитика, который в любую минуту может столкнуться с осо-

[79] S. Freud (1938). *Le clivage du Moi et les processus de défense.* Trad. R. Lewinter, J.-B. Pontalis // S. Freud. Résultats, idées, problèmes II (1921–1938). Paris, PUF, 1985. P. 283–286.

бо трудными психическими задачами – полностью использовать *работу своего контрпереноса,* чтобы поставить его на службу лечения;

- важность признания аналитиком – в отношении некоторых пациентов во время анализа – необходимости установления *примитивной симбиотической связи;*
- важность внимания, которое следует уделить при понимании трансферентного отношения *фантазиям об очень ранней связи мать–ребенок;*
- важность окружения и *материнских психических импринтингов;*
- *расщепление «Я»* как результат раннего, если не первичного или «первоначального», травматизма;
- «*страстные переносы*» как результат расщепления (фрагментации) «Я» и нарциссического расщепления;
- *нарциссическое расщепление,* которое будучи само по себе следствием первичного травматизма, находится у истоков создания «мертвых» зон «Я» и организует то, что сегодня называется ложными, или «как будто бы» личностями («faux self»);
- первичное вытеснение (*Urverdrängung*), в конечном итоге определяющее особенности формирования симптома и иногда вызываю-

щее *расщепление между мышлением и телом* (сомато-психическое расщепление);

- *паралич мысли и спонтанности* под влиянием травмы;
- важность признания аналитиком *дисквалификации* субъективных *аффектов* и *ощущений,* являющихся результатом влияния травматогенного окружения;
- значение *первичной любви, первичной ненависти,* а также *ненависти* как более сильного средства фиксации, чем нежность.

Избранные тексты

«Перенос и интроекция» (1909)
(*Psychanalyse I, Payot, 1968, p. 93–125*)

Этот текст налагает особый отпечаток на творчество его автора, ибо он с самого начала выявляет способности Ференци как теоретика, в то же время свидетельствуя о его огромных творческих способностях, находящихся в процессе становления. Одобренная Фрейдом как новаторское понятие интроекция, в понимании Ференци, определяет «перенос» в его самом широком смысле – как то, что объясняет либидинальную инвестицию субъекта в качестве основной составляющей связи с объектами; в этом смысле интроекция – это процесс, находящийся в центре становления психического аппарата и «Я» субъекта.

<…> Чтобы лучше понять фундаментальный характер психики невротиков, сравним их поведение с поведением страдающих *ранней деменцией* и *параноиков. Дементный человек полностью теряет свой интерес к внешнему миру,* становится инфантильным и аутоэротичным (Юнг, Абрахам). *Параноик* пытается делать то же самое, но это ему не удается целиком. Он не способен полностью утратить интерес к внешнему миру; поэтому довольствуется отвержением этого интереса вовне своего «Я», *проецированием во внешний мир желаний и стремлений* (Фрейд). Он думает, что видит у других всю любовь, всю ненависть, которую он отрицает в самом себе. Вместо того чтобы признать, что он любит или ненавидит, он полагает, будто все занимаются исключительно им с целью преследовать или любить его.

В неврозе мы наблюдаем диаметрально противоположный процесс, ибо в то время как параноик проецирует вовне эмоции, ставшие болезненными, *невротик пытается включить в сферу своего интереса как можно большую часть внешнего мира,* чтобы сделать ее объектом сознательных или бессознательных фантазий. Этот процесс, который внешне выражается посредством *Süchtigkeit*[80] невротиков, рассматривается как *про-*

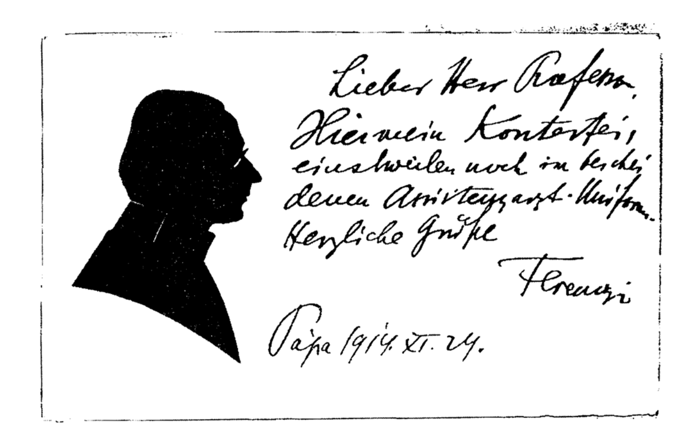
80 Здесь Ференци прибегает к немецкому термину, чтобы выразить понятие, которое он выше определил терминами: импульс, стремление, желание.

цесс ослабления, которым невротик пытается смягчить болезненную тональность этих «находящихся в свободном плавании» желаний, которые не удовлетворены и не могут быть удовлетворены. Я предлагаю назвать этот процесс, обратный проекции, *интроекцией.*

Невротик находится в постоянном поиске объектов для идентификации и переноса; это значит, что он втягивает все, что может, в сферу своих интересов, «интроецирует». Параноик находится в том же поиске объектов, но для того, чтобы, грубо говоря, «всучить» им либидо, которое ему мешает. В этом кроются истоки противоположности характера невротика и параноика. Невротик интересуется всем, он распространяет свою любовь и свою ненависть на весь мир; параноик же закрывается в себе, он недоверчив, чувствует себя преследуемым, гонимым, ненавидимым или любимым всем миром. *«Я» невротика патологически расширено, в то время как параноик страдает, так сказать, сужением «Я».*

История индивидуального развития «Я», или онтогенез, рассматриваемый сквозь психоаналитический опыт, убеждает нас в том, что проекция параноика и интроекция невротика – не что иное, как преувеличенные психические процессы, чьи начальные элементы свойственны любому нормальному человеку.

Можно считать, что новорожденный ощущает все, скажем так, *монистически,* идет ли речь

Изготовленная самим Ференци почтовая карточка
с вырезанным и приклеенным к ней силуэтом

Надпись на открытке:

Уважаемый господин профессор,
Посылаю свой портрет, относящийся к периоду,
когда я еще носил скоромную форму врача-ассистента
Сердечно, Ференци
Папа, 24 ноября 1914 г.

о внешнем стимуле или о психическом процессе. Лишь позже он научится познавать «хитрость вещей», тех, что недоступны интроспекции, непокорны его воле, в то время как другие остаются в его распоряжении и подчиняются его желаниям. Монизм становится дуализмом. Тогда, когда ребенок начинает исключать «объекты» из конгломерата своих восприятий (до того обладавшего целостностью), формируя *внешний мир* и впервые противопоставляя ему свое «Я», которое принадлежит ему более непосредственно, когда он впервые отличает объективное *ощущение* (Empfindung) от субъективного чувства (Gefühl), он реально проводит свою первую проективную операцию, «примитивную проекцию». И если позже он пожелает избавиться от неприятных аффектов параноическим образом, ему не нужен будет радикально новый метод: так же, как когда-то он объективировал часть своей чувственности, он выплеснет большую часть «Я» во внешний мир, превращая все больше субъективных аффектов в объективные ощущения.

Все же более или менее значительная часть внешнего мира не дает так легко выбросить себя из «Я», а продолжает бросать вызов: «Люби меня или ненавидь», «сразись со мной или другом мне будь»[81]. И «Я» уступает этому вызову, вновь погло-

[81] Р. Вагнер. *Гибель богов.* Акт 1.

щает часть внешнего мира и расширяет свой интерес к нему; так происходит первая интроекция, «примитивная интроекция». Первая любовь, первая ненависть имеют место благодаря переносу: часть ощущений удовольствия или неудовольствия, аутоэротические по происхождению, переносятся на *объекты,* которые их породили. Вначале ребенку нравится лишь *сытость,* ибо он утоляет мучающий его голод, затем он начинает любить и мать – объект, который обеспечивает ему сытость. Первая *объектная любовь,* первая *объектная ненависть* являются, стало быть, корнями, моделью любого последующего переноса, который, таким образом, является не характеристикой невроза, а лишь усиленным вариантом нормального психического процесса.

<…> История индивидуальной психической жизни, формирование речи, несостоявшиеся акты повседневной жизни, мифология, рассмотренные под этим углом зрения, укрепляют наше убеждение, что невротик проходит тот же путь, что и нормальный субъект, когда пытается смягчить свои блуждающие аффекты через расширение сферы своих интересов, через интроекцию, то есть когда он *распространяет свои эмоции на разные объекты, не имеющие к нему никакого отношения, с тем чтобы оставить в бессознательном эмоции по отношению к определенным объектам, слишком сильно его затрагивающим.*

«Непристойные слова. Вклад в психологию латентного периода развития» (1910)
(*Psychanalyse I, Payot, 1968, p. 126–137*)

Этот текст позволяет оценить метапсихологический талант Ференци. Он выявляет сферу интересов и разработок автора, касающихся связей, существующих в психике между словом, мыслью, репрезентацией и актом. Ференци вслед за Фрейдом развивает идею, что использование слова, преисполненного аффекта, в данном случае непристойного, выступает как «действие» по отношению к собеседнику, ибо слово и мысль, которую оно выражает, становятся в этот момент – регрессивным и галлюцинаторным образом – самой вещью.

<…> Часто непристойное выражение, использованное во время сеанса, вызывает у пациента такое же потрясение, как когда-то услышанный разговор между его родителями, в котором промелькнуло грубое слово, чаще всего сексуального порядка. Это потрясение, способное сильно пошатнуть уважение ребенка к своим родителям, а у невротика – остаться бессознательным на всю жизнь, обычно случается в пубертатном периоде и является своего рода повторением впечатлений, вызванных сексуальными отношениями, замеченными в раннем детстве.

Уважение, которое должно проявляться к родителям и вышестоящим, парализует, однако, сво-

боду доверяться им и связывается с одним из основных комплексов вытесненного психического материала. По нашему настоянию можно получить со стороны больного буквальное выражение его мыслей, даже если придется произнести «то самое» слово, и таким образом можно вызвать неожиданные прояснения и возобновление застойного анализа.

<…> Существует тесное единство между вульгарными и грубыми (единственными известными ребенку) сексуальными и экскрементальными (связанными с испражнением) терминами и глубоко вытесненным ядерным комплексом как у невротика, так и у здорового человека. (Следуя Фрейду, ядерным комплексом невротиков я называю эдипов комплекс.)

Детское понимание сексуальных отношений между родителями, процесса рождения и животных функций, то есть инфантильная сексуальная теория, выражается поначалу в просторечных терминах, которые только и доступны ребенку; и эти формулировки будут в наибольшей мере подвержены моральной цензуре и инцестному барьеру, которые позже станут вытеснять эти теории.

Этого достаточно, чтобы объяснить, по крайней мере частично, почему мы сопротивляемся тому, чтобы произносить и слышать эти слова.

<…> Непристойное слово содержит в себе особую силу, каким-то образом вынуждающую

слушателя представить себе названный объект, орган или сексуальные функции в их материальной реальности. Фрейд признал и сформулировал это, исследуя мотивации и условия произнесения скабрезной шутки. Он пишет: «Через непристойные слова она (скабрезная шутка) обязывает лицо, которого оскорбляют, представить себе часть тела или функции, о которых идет речь» (*Остроумие и его отношение к бессознательному*). Я хотел бы лишь дополнить это замечание, подчеркнув, что деликатные намеки на сексуальные процессы или научная и иностранная терминология, обозначающая их, не производят эффекта вообще или производят далеко не такой эффект, как слова, взятые из примитивного народного эротического лексикона родного языка.

Следовательно, можно предположить, что эти слова в состоянии спровоцировать у слушателя регрессивное и галлюцинаторное возвращение мнестических образов. Эта гипотеза, основанная на самонаблюдении, подтверждается свидетельствами многих нормальных и невротических субъектов. Причины этого феномена следует искать в самом слушателе, предполагая, что в глубине его памяти существует некоторое количество вербальных – слуховых и графических – представлений с эротическим содержанием, отличающихся от остальных более явной тенденцией к регрессии. Когда непристойное слово воспринято визуально

или на слух, это свойство мнестических образов начинает действовать.

«Инверсия аффекта в сновидении» (1916)
(*Psychanalyse II, Payot, 1970, p. 236*)

Эта краткая заметка – возможно самоаналитическая – относительно интерпретации сна является частичкой огромного вклада в психоаналитическую клинику, который сделан трудами Ференци; она позволяет читателю оценить деликатность и замечательный интерпретативный талант их автора.

Ночью немолодого господина разбудила жена, потому что он смеялся во сне так громко и неистово, что она забеспокоилась. Позже муж рассказал ей, что ему приснился следующий сон: «Я лежал в кровати; знакомый мне мужчина вошел в комнату; я хотел включить свет, но мне это не удавалось – я старался, ничего не получалось. Тогда моя жена поднялась с постели, чтобы прийти мне на помощь, но и она никак не могла зажечь лампу; а так как ей неудобно было стоять в ночной рубашке перед этим господином, в конце концов она оставила эту затею и снова легла. Все это было так забавно, что меня захлестнул неудержимый приступ смеха. Жена беспрерывно повторяла: „Что ты смеешься, что здесь смешного?“ – но я продолжал смеяться,

пока не проснулся». На следующий день господин, которому приснился сон, выглядел весьма подавленным, у него болела голова. «Этот чудовищный смех совершенно меня изнурил», – говорил он.

Если посмотреть с аналитической точки зрения, то этот сон куда менее забавен. «Знакомый господин», вошедший в комнату, является в латентном смысле сна «образом смерти, упоминаемым под старинным именем „великого незнакомца“». У пожилого господина, страдающего атеросклерозом, был серьезный повод думать о смерти. Неудержимый смех заменяет *плач и рыдания* при мысли, что он должен умереть. Свет который ему не удается зажечь, это свет жизни. Эта грустная мысль может быть также связана и с попыткой коитуса, окончившейся неудачей, когда даже то, что жена была неодета, ничем ему не помогло; он понял, что жизнь катится под уклон. Сон помог превратить грустную мысль об импотенции и смерти в комическую сцену, а рыдания – в смех.

Такие «инверсии» аффектов и инверсии выразительных действий встречаются и при неврозах, а также во время анализа, в форме «преходящих симптомов»[82].

---

[82] См. мою статью: *Symptomes transitoires au cours d’une psychanalyse,* 1912.

«Дальнейшее построение „активной техники“ в психоанализе» (1920)

Доклад на VI Конгрессе Международной психоаналитической ассоциации в Гааге, 10 декабря 1920 г.

(*Psychanalyse III, Paris, Payot, 1974, p. 116–133*)

Этот текст иллюстрирует представление Ференци об «активной технике» как в отношении проведения курса лечения, так и с точки зрения психоаналитической теории. В связи с анализом одной хорватской пианистки Ференци показывает, как посредством давлений (Gebote) и запретов (Verbote), аналитик заставляет пациентку принять активную позицию, то есть делать или отказаться делать нечто, что делает возможным появление аффекта и облегчает возврат вытесненного. Отметим, что Ференци признает, что к активной технике следует прибегать только в исключительных случаях, и то на очень ограниченный период времени, – она никак не должна менять основные правила.

<…> Теперь я хотел бы представить фрагменты нескольких анализов, которые подтвердят то, что было сказано, и в какой-то мере углубят наше понимание взаимодействия сил, функционирующих в «активной технике». Первым мне вспоминается случай молодой хорватской пианистки, страдающей многочисленными фобиями и одержимой

страхом. Я приведу лишь несколько из неисчислимого множества симптомов. Она приходила в ужас, когда в музыкальной школе должна была играть в присутствии других, лицо ее заливалось краской, а аппликатуры, которые в одиночестве давались ей автоматически и без всяких затруднений, казались ей в те минуты чрезвычайно сложными; каждое выступление кончалось обязательным провалом, и ее мучила мысль, что она выставляет себя на посмешище – что и происходило вопреки ее незаурядному таланту. На улице ей казалось, что все смотрят на ее пышную грудь и не знала, как вести себя, чтобы скрыть этот (существовавший лишь в ее воображении) физический недостаток. Она скрещивала руки на груди, втискивала грудь в разные корсеты, но каждая такая мера, как это часто бывает у людей с обсессивным синдромом, вызывала сомнение: не обращает ли она на себя внимание именно этими повадками? Ее поведение на улице было либо преувеличенно пугливым, либо провокационным; она страдала, если (несмотря на ее природную красоту) на нее не обращали внимания, но настолько же и изумлялась, если вдруг кто-то, кого ее поведение вводило в заблуждение (или, скорее, трактовалось верно), приставал к ней. Она боялась, что у нее плохо пахнет изо рта, все время бегала к зубным врачам и ларингологу, которые, разумеется, ничего у нее не находили. Ко мне она пришла после нескольких

месяцев анализа (коллеге, который лечил ее, пришлось прервать курс по каким-то посторонним причинам) и уже имела представление о бессознательных комплексах. Все же во время лечения, которое она продолжила со мной, мне оставалось лишь подтвердить одно замечание моего коллеги, что ее прогресс никак не был связан с глубиной ее теоретического понимания и выявленного мнестического материала. В работе со мной все было так же в течение нескольких недель. Затем, во время одного сеанса, она вдруг вспомнила популярную мелодию, которую ее старшая сестра (жертвой тирании которой она постоянно была) имела привычку напевать. После долгих колебаний она передала мне довольно двусмысленное содержание песни, затем долго молчала; я заставил ее признаться, что она думает о мелодии песни. Я тут же попросил *спеть* ее. Но ей понадобилось почти два сеанса, чтобы решиться исполнить мне песню так, как она ее себе представляла. Она много раз останавливалась, сильно смущалась, пела сначала слабым и нерешительным голосом, пока, подбадриваемая мною, не запела громче так, что к концу ее голос полностью раскрылся и оказалось, что у нее очень приятное сопрано. Сопротивление все же не исчезало, она поведала мне, не без колебаний, что у ее сестры была привычка петь этот припевчик, сопровождая его выразительными и лишенными всякой двусмысленности *жестами*, и она

Четверо членов «Секретного комитета», Берлин, 1922:
Макс Эйтингон, Эрнст Джонс,
Шандор Ференци, Ганс Закс

проделала руками несколько неуклюжих движений, чтобы продемонстрировать поведение сестры. В конце концов я попросил ее встать и пропеть песню *точно так,* как это делала ее сестра. После многих попыток, прерываемых приступами растерянности, она предстала передо мной этакой совершенной певичкой, с тем кокетством в мимике и жестах, которое она видела у своей сестры. С той минуты ей, похоже, стало нравиться выставлять себя напоказ, и она пыталась посвятить все свои сеансы анализа именно этому. Когда я это понял, я сказал ей, что мы теперь знаем, что ей хочется демонстрировать свои таланты и что за ее скромностью скрывается большое желание нравиться, но с танцами мы заканчиваем, и нам предстоит работа. Удивительно, как здорово эта маленькая интермедия помогла нашей работе; в ней проснулись воспоминания, которые никогда до этого не высказывались, они касались ее раннего детства – времени, когда родился братик, имевший по-настоящему пагубное влияние на ее психическое развитие и превративший ее в робкого и беспокойного, но в то же время дерзкого ребенка. Она вспоминала то время, когда была еще «маленьким чертенком», любимицей всей семьи и всех друзей, и как, не ожидая особого приглашения, даже с удовольствием демонстрировала все свои таланты перед публикой и вообще, как видно, чувствовала безграничное удовольствие от движений.

Тогда я взял ту активную интервенцию в качестве модели и попросил мою пациентку выполнить действия, которые вызывают в ней самое большое беспокойство. Она продирижировала передо мной (имитируя голоса оркестра) длинным фрагментом из одной симфонии; анализ этого привел нас к выявлению зависти к пенису, мучившей ее со дня рождения брата. Она сыграла мне на фортепиано сложную партию, которую исполняла на экзамене; немного позже, в анализе, оказалось, что ее страх выглядеть смешной при игре на рояле был связан с фантазиями мастурбации и со стыдом, их сопровождающим (запрещенные «экзерсисы для пальцев»). Из-за своей большой, называемой ею бесформенной, груди она не осмеливалась ходить в плавательный бассейн; лишь после того как при моей настойчивости она победила в себе это сопротивление, она смогла убедиться во время анализа в латентном удовольствии, которое получала, выставляя себя напоказ. Сейчас, когда доступ к ее самым тайным устремлениям стал возможным, она открыла мне, что во время сеансов была сильно озабочена своим анальным сфинктером: то ей приходило на ум издать звук, то заняться ритмичными сокращениями и т. д. Как это бывает после применения любого технического правила, пациентка затем постаралась усилить деятельность, преувеличивая получаемые задания. В течение некоторого времени я позволил

ей так продолжать, а потом велел прекратить эту игру и относительно быстро нашел анально-эротическое объяснение страха неприятного запаха изо рта; ситуация с дыханием скоро заметным образом улучшилась – после воспроизведения соответствующих воспоминаний детства (а теперь и запрета анальных игр).

Самым значительным улучшением у пациентки мы обязаны открытию ее *бессознательного онанизма,* выявленного «активным» образом. У рояля она чувствовала – с каждым своим сильным и пылким движением – сладострастное, возбуждающее ощущение в области гениталий. Ей пришлось это признать после того, как я велел ей вести себя у рояля очень страстно, как это делают артисты, но как только эта игра начала доставлять ей удовольствие, она была вынуждена, по моему совету, отказаться от нее. Итак, мы смогли получить реминисценции и реконструкции некоторых инфантильных игр с гениталиями – вероятно, главного источника ее чрезмерной стыдливости.

Но настал момент подумать, что именно мы предприняли во время этих интервенций, и попытаться составить себе представление о взаимодействии психических сил, которому мы обязаны приписать неоспоримый прогресс анализа. Нашу деятельность в этом случае можно разделить на две фазы. В первой фазе мне пришлось дать пациентке, у которой были фобии определенных действий,

приказ выполнить эти действия вопреки их неприятному характеру. Когда ранее подавляемые стремления стали источником удовольствия, пациентку пришлось подтолкнуть – во второй фазе – защищаться от них: определенные действия были *запрещены*. Последствием давления было то, что она *полностью осознала* некоторые импульсы, до этого вытесненные или выраженные в рудиментарной, неосознаваемой форме, и в конечном итоге *восприняла* их как приятные ей репрезентации, как *влечения*. Позже, когда она увидела, что ей отказывают в удовлетворении, которое ей приносило действие, пропитанное сладострастием, разбуженные психические силы нашли свой путь к давно вытесненному психическому материалу и инфантильным воспоминаниям; в противном случае аналитик был вынужден интерпретировать это как повторение чего-то инфантильного и реконструировать детали и обстоятельства инфантильных событий при помощи аналитического материала, полученного из других источников (сновидения, ассоциации и т. д.). В данной ситуации легко было заставить пациентку подтвердить эти конструкции, ибо она не могла не признаться себе и врачу, что именно *теперь* испытала на себе эти предполагаемые действия и почувствовала соответствующие аффекты. Итак, «активность», которую мы до этого рассматривали как цельную сущность, расчленяется на приказы и систематическое подчинение

давлению и *запретам* при постоянном поддержании «ситуации отказа», по Фрейду.

«Сон о мудром младенце» (1923)
(*Psychanalyse III, Paris, Payot, 1974, p. 203*)

Опубликованный вначале в первом номере International Zeitschrift für Psychoanalyse в 1923 г., этот короткий текст подчеркивает интерес к фигуре «мудрого младенца», появляющейся в некоторых сновидениях, что, видимо, наводит Ференци на мысль отнести этот сон к категории «типических». В последующих исследованиях, начиная с 1931 г., Ференци придает фигуре «мудрого младенца» метапсихологический статус: понятие «мудрого младенца» позволяет проиллюстрировать клинический случай травмированного ребенка, нарциссически разрушившего цельность своей личности, ставшего «расщепленным» взрослым вследствие импринтинга своей «травмы».

Мы довольно часто слышим, как пациенты, рассказывают сны, в которых новорожденные, очень маленькие дети или младенцы в пеленках с легкостью пишут, восхищают окружающих мудрыми речами или поддерживают беседу, требующую эрудиции, выступают, дают научные разъяснения и т. д. Содержание этих снов, думается, скрывает что-то типическое: первая поверхностная интер-

претация сна часто ведет к ироническому восприятию психоанализа, который, как мы знаем, придает намного большее значение и приписывает большее психическое влияние переживаниям раннего детства, чем это обычно делается. Это ироническое преувеличение интеллектуальности совсем маленьких детей, следовательно, ставит под сомнение психоаналитические сообщения на эту тему. Но так как подобные феномены очень часто встречаются в сказках, мифах и в религиозной традиции и к тому же мы встречаем их в живописи (см. спор девы Марии с толкователями Писания), я думаю, что здесь ирония является лишь посредником для более глубоких и более серьезных воспоминаний субъекта о собственном детстве. Желание стать ученым и превзойти «взрослых» в мудрости и знании означает не что иное, как положение, обратное тому, в котором находится ребенок. Часть сновидений такого содержания, которые мне удалось исследовать, иллюстрируются известными словами одного распутника: «Как жаль, что я не сумел получше воспользоваться своим положением сосунка!» В конце концов не следует забывать, что ребенок действительно обладает большим количеством знаний – знаний, которые позже будут погребены посредством сил вытеснения[83].

[83] Я не считаю, что исчерпал интерпретацию такого типа сновидений в данном сообщении, целью которого было лишь привлечь внимание психоаналитиков к этой теме.

Таласса. Эссе о теории генитальности (1924)
(*Psychanalyse III, Paris, Payot, 1974, p. 250–323*)

В этом «филогенетическом» эссе, настоящей «биоаналитической» фантазии, на фоне предложенной вымышленной схемы Ференци пробует обратить внимание на то, что можно нащупать «психоанализ корней», психоанализ «детства биологического вида». Автор руководствуется идеей, что сексуальность человеческого рода сохраняет «мнестический, наследственный и бессознательный» след великой катастрофы высыхания водной и морской среды. В «Талассе» Ференци выдвигает идею, что биологические, физиологические и психические отпечатки, обусловленные работой памяти представителя человеческого рода, располагаются как на онтогенетическом, так и на филогенетическом уровне и призваны передать желание символического, галлюцинаторного и реального возврата в тело матери, которая сама по себе является символом первоначального мира богини Талассы, из которого род человеческий когда-то был изгнан.

Если теперь мы рассмотрим всю эволюцию сексуальности от грудного младенца, который сосет свой палец, через нарциссизм генитальной

(Недавнее подобное наблюдение показало мне, что такие сновидения иллюстрируют эффективное знание детей о сексуальности.)

мастурбации до гетеросексуального спаривания и если вспомним сложные процессы идентификации «Я» с пенисом и генитальной секрецией, мы придем к выводу, что вся эта эволюция, включая само спаривание, представляет лишь попытку «Я» – вначале робко и неумело, потом все более решительно и, наконец, почти удачно – *возвратиться в тело матери,* в положение, в котором столь болезненный разрыв между «Я» и средой еще не существовал. Коитус осуществляет эту временну́ю регрессию тремя способами: что касается организма в целом – только *галлюцинаторным образом,* как во сне; что касается пениса, с которым идентифицируется весь организм, – ему это удается уже частично, а именно в *символической* форме; и только сперма имеет преимущество – как представитель «Я» и его нарциссического двойника, генитального органа – попасть *реально* внутрь материнского тела.

Пользуясь терминологией естественных наук, в заключение мы можем сказать, что сексуальный акт имеет целью и осуществляет одновременное удовлетворение сомы и зародышевой плазмы. Для сомы эякуляция означает освобождение от обременяющих продуктов секреции; для зародышевых клеток – проникновение в самую благоприятную среду. Несмотря на это, психоаналитическая теория учит нас, что сома, вследствие ее идентификации со спермой, удовлетворя-

ет не только эгоистические тенденции, имеющие целью ослабить некоторые напряжения, но одновременно участвует и в реальном удовлетворении, достигаемом зародышевыми клетками в форме галлюцинаторного и символического (частичного) возврата в материнское лоно, покинутое против воли в момент рождения, – и это то, что мы называем, с точки зрения индивидуума, либидинальной частью коитуса.

Если рассмотреть генитальный процесс под этим углом зрения, который я определил бы как «биоаналитический», мы, наконец, сможем понять, почему *эдипово желание,* желание коитуса с матерью вновь и вновь с монотонной регулярностью обнаруживается как ядерная тенденция в анализе невротических мужчин. Эдипово желание является психическим выражением гораздо более общей биологической тенденции, которая толкает живые существа к возврату в состояние покоя, которым они наслаждались до рождения.

<…> Скажем с самого начала, что точкой отправления всех последующих спекуляций стало исключительно частое появление в манифестациях самых разнообразных нормальных и патологических психических организаций, в производных индивидуальной и коллективной психики символа рыбы или, точнее, изображений рыбы, плавающей на поверхности или в глубине воды, выражающих одновременно сексуальный акт

и внутриутробное расположение. В связи с одним наблюдением такого рода, особенно впечатляющим, в моей голове возникла фантастическая идея: возможно, помимо чисто внешней схожести между положением пениса во влагалище, ребенка в утробе матери и рыбы в воде, этот символизм выражает и часть бессознательного филогенетического знания о том, что мы являемся потомками водных позвоночных? Ибо, как нас учили в университете, человек по существу происходит от рыбы, и мы с почтением относимся к известному «amphioxus lanceolatus» (ланцетник) как к предку всех позвоночных, следовательно, и человека.

Как только эта идея возникла, аргументы – безусловно, пока еще слишком смелые – посыпались со всех сторон. А что если, подумали мы, *все внутриутробное существование высших млекопитающих было всего лишь повторением формы древнего водного существования, и само рождение представляло лишь индивидуальное воспроизведение великой катастрофы, которая в период высыхания океанов, принудила многие виды животных и, разумеется, наших собственных животных предков адаптироваться к земной жизни и прежде всего отказаться от жаберного дыхания, чтобы развить органы, подходящие для дыхания воздухом?* И если великому Геккелю хватило смелости сформулировать основной биогенетический за-

кон, согласно которому эмбриональное развитие («палингенезис») кратко воспроизводит всю эволюцию вида, почему бы не сделать еще один шаг и не предположить, что *развитие защитных придатков эмбриона* (*что всегда считалось классическим примером «ценогенеза»*) *также таит в себе часть истории вида; историю изменения той среды, в которой жили предки, представленные в эмбриогенезе.*

<…> Пока что эта гипотеза опирается на простой вывод из символов. Если допустить, что рыба в воде представляет, как во многих магических ритуалах оплодотворения, ребенка в чреве матери, и если в сновидениях мы так часто склонны интерпретировать ребенка как пениальный символ, то смысл рыбы, обозначающей пенис, и пениса, обозначающего рыбу, становится более понятным, а именно – в коитусе пенис представляет не только способ родового и дородового существования человека, но и *борьбу нашего животного предка, пережившего великую катастрофу высыхания*.

Эмбриология и сравнительная зоология предоставляют два веских аргумента в пользу этой гипотезы, которая, на первый взгляд, кажется слишком дерзкой. Эмбриология учит нас, что только у *земных животных развиваются амниотические оболочки, содержащие амниотическую жидкость для защиты эмбриона;* что касается сравнительной зоологии, она позволяет нам констатировать,

что виды животных, чьи эмбрионы развиваются *без амниотических оболочек* (*анамния*), *не имеют собственно совокупления,* оплодотворение и развитие оплодотворенного яйца происходят вне материнского тела, чаще всего само по себе, в воде. Так, у рыб мы находим лишь несколько единичных случаев внутреннего оплодотворения; постоянная и непрерывная эволюция органа совокупления начинается только у земноводных, но этот орган достигает способности к эрекции, характерной для млекопитающих, только у некоторых рептилий. Обладание настоящими генитальными органами, развитие внутри материнского тела и выживание в великой катастрофе высыхания составляет, таким образом, неразделимую биологическую целостность; мы можем видеть здесь высшую причину символической идентичности, существующей между материнским животом, океаном и землей, с одной стороны, и между пенисом, ребенком и рыбой – с другой.

<…> Попытки, поначалу неумелые, самца вводить в генитальные пути самки часть своего тела и свой генитальный секрет напоминают попытки ребенка, поначалу неловкие, затем все более решительные, добиться силой, при помощи организации эротического влечения, возвращения в утробу матери и пережить, по крайней мере частично и символически, «рождение» и в то же время как-то его «отменить». Эта точка зрения совпадает с точкой

зрения Фрейда: действительно, он считает, что разные способы спаривания, наблюдаемые в животном мире, являются своего рода биологическими моделями разных форм выражения инфантильной сексуальности и извращенных практик.

<…> Эта мотивация может заключаться в стремлении *восстановить* потерянный образ жизни во влажной среде, содержащей питательные вещества, другими словами, *вернуться к водному существованию в богатой пищей материнской утробе. Мать,* согласно концепции «обратного символа», чью полезность мы наблюдали неоднократно, в действительности *есть символ и частичный субститут океана, а не наоборот.* Я уже говорил о том, как мы представляем себе положение вещей: подобно тому, как зародышевые клетки высших животных погибли бы без утробной защиты, как любое потомство, появившееся на свет, умерло бы без материнского ухода, – так же и все животные виды исчезли бы в момент катастрофы высыхания, если бы их выживание не было обеспечено во время адаптации к земной жизни благоприятными случайными обстоятельствами и попытками регрессии к экто- и эндопаразитической жизни. Наконец, высшие позвоночные сумели организовать внутреннее оплодотворение и внутриутробное развитие, успешно комбинируя таким образом форму паразитического существования и желание регрессии в мир Талассы.

<…> Если бы мы признали, что и оплодотворение вообще является повторением примитивной катастрофы, подобно катастрофе, находящейся у истоков оплодотворения через спаривание в животном мире, то мы, возможно, не должны были бы отказываться от нашей теории генитальности и могли бы попробовать согласовать ее с неоспоримыми данными «предгенитальной» биологии. Для этого нам достаточно предположить, что акт спаривания и акт оплодотворения, тесно связанный с первым, представляют собой слияние в *единое целое не только индивидуальной катастрофы* (*рождение*) *и последней катастрофы, пережитой всем видом* (*иссушение*), *но и всех катастроф, произошедших с момента появления жизни;* так, оргазм есть не только выражение *внутриутробного покоя* и безмятежного существования в более приятной среде, но и *того покоя, который предшествовал появлению жизни, мертвого покоя неорганического существования.* Оплодотворение, то есть выход, найденный в связи с предшествующей катастрофой, возможно, послужило моделью слияния в единое целое инстинктов оплодотворения и спаривания, прежде независимых. *Образцовое значение оплодотворения для способа, которым индивидуум реагирует на нынешние пертурбации,* не исключает гипотезы, согласно которой остатки напряжений, созданных катастрофами как актуальными, так и онто- и филогенетическими, явля-

ются для индивидуума лишь болезненными и неприятными производными и как таковые, следуя законам автономности, должны быть устранены[84].

«Противопоказания к активной технике» (1926)
(*Psychanalyse III, Paris, Payot, 1974, p. 360–378*)

Этим текстом отмечен конец периода, в котором Ференци проповедовал использование «активной техники». В данной статье он критикует, безо всяких уступок самому себе, метод и способы применения «активности», которую отстаивал до этого. Он констатирует ограничения и соглашается, что предпочтительнее отказаться от этой техники, поскольку она не только усиливает сопротивление пациентов, но и приводит к удовлетворению, даже усилению их мазохистских позиций во время курса лечения.

<…> До настоящего времени я не хотел углубляться в связь между повышением напряжения, вызванным техническими приемами, с одной

[84] Фрейд, особо не углубляясь в генетическую связь, которую мы здесь установили, высказывает ту же идею в своем недавнем эссе «Я и Оно» (1923) следующим образом: «Выведение сексуальных продуктов во время полового акта соответствует каким-то образом сепарации между сомой и зародышем; отсюда схожесть между полным сексуальным удовлетворением и смертью, а у низших животных половой акт совпадает со смертью».

стороны, и переносом и сопротивлением, с другой стороны[85]. Сейчас мне бы хотелось скорректировать насколько возможно это упущение и заявить со всей уверенностью, что метод активности в той мере, в какой он через отказы, давления и неприятные запреты усиливает психическое напряжение с целью добыть новый материал, неизбежно увеличивает резистентность пациента, то есть побуждает «Я» больного сопротивляться аналитику. Это в особенности касается старых привычек и черт характера пациента, торможение и систематический анализ которых я считаю одной из задач метода активности. Вышеуказанная констатация имеет не только теоретическое значение. Из нее проистекают важные практические последствия, которые, если ими пренебречь, могут помешать успеху лечения. Такое отношение «Я» к фрустрации говорит в первую очередь о том, что анализ никогда не должен начинаться с активности. Наоборот, «Я» следует долгое время щадить или, по крайней мере, подходить к нему с большой осторожностью – в противном случае стойкого позитивного переноса достичь не удастся. Активность как мера фрустрации приводит, таким образом, к пертурбации и разрушению переноса; как таковая, она, возможна в конце лечения,

---

[85] Собственно говоря, я упоминал об этом на конгрессе в Гааге.

но при неудачном применении она неминуемо нарушит отношения между врачом и анализандом. Слишком строгое ее применение несомненно приведет к побегу больного от аналитика, так же как и грубые комментарии «диких психоаналитиков», которые отчуждают «Я» пациента своими сексуальными разъяснениями. Отсюда не следует вывод, что активность полезна только как разрушительный прием в момент ликвидации переноса; она может пригодиться и в середине лечения, если трансферентная любовь достаточно сильна; но, во всяком случае, необходим большой опыт, чтобы оценить, что можно предлагать пациенту. Молодым специалистам не следует начинать свою карьеру с метода активности, а стоит придерживаться классического метода, длительного, но из которого можно извлекать уроки. Здесь действительно существует большая опасность, о которой я говорил неоднократно. Рекомендуя этот метод аналитикам, которые, будучи уверены в своих знаниях, уже могут на него отважиться, я задавался целью внедрить в практику часть «будущих возможностей психоаналитической терапии», на которые возлагал надежды Фрейд. В руках новичка активность может спровоцировать возврат допсихоаналитических приемов суггестии и авторитарных мер.

Тогда мне не без основания возразили, что одновременное использование активности и анали-

за вообще должно основываться на особой квалификации. Но я не считаю, что это затруднение непреодолимо. При условии, что учебный анализ в достаточной мере отдает должное активности (он, кстати, часто имеет эту возможность, ибо состоит главным образом из анализа характера, то есть из анализа «Я»), наши ученики лучше ее усвоят и правильно оценят, без риска переоценки.

Все же я должен откровенно признать, что даже опыт не защищает от ошибок, когда речь идет об активности. Следует рассказать об испытанных мною разочарованиях. В некоторых случаях я сильно ошибался в оценке уместности или пределов «провокации», в результате чего, чтобы сохранить пациента, я должен был признать свою ошибку и после такой довольно ощутимой потери престижа дать ему возможность восторжествовать надо мной. Собственно, даже этот аффективный опыт представлял некоторую пользу для анализа, но я спрашиваю себя, был ли он так необходим и не лучше ли было его избежать. Эти случаи также позволили мне понять, что желание большей активности со стороны пациента остается лишь благородным намерением, пока у нас нет точных показаний к этому. Пока я могу дать лишь негативную формулировку, сказав, что не следует прибегать к активности, если мы не способны с определенной уверенностью утверждать, что все существующие приемы неактивной, то есть более

пассивной, техники были использованы, что генетические особенности симптомов были достаточно «проработаны» и что отсутствует лишь нюанс актуального переживания, чтобы убедить пациента. Придется еще долго ждать, прежде чем мы позитивно и правдоподобно сформулируем показания для активности на каждом этапе невроза.

Иногда я испытывал другого рода трудности, слишком строго применяя некоторые давления и запреты. В конце концов я убедился, что эти указания сами по себе представляют опасность: они провоцируют врача силой навязать свою волю пациенту при точном повторении ситуации родитель – ребенок или позволить себе абсолютно садистское «поведение школьного учителя». В результате я отказался что-либо приказывать или запрещать пациентам и скорее пытался получить их осознанное согласие на задуманные мероприятия и лишь потом осуществлять их. Поэтому я действую так, чтобы не быть связанным до такой степени, чтобы не иметь возможности временно или даже окончательно отказаться от мероприятий в случае непреодолимых трудностей со стороны пациента. Наши указания должны быть, как выразился один бывший у меня в анализе коллега, не бескомпромиссно строгими, а эластично-гибкими. Если мы действуем иначе, то, безусловно, подталкиваем пациента к злоупотреблению этими техническими мерами. Пациенты, особенно стра-

дающие неврозом навязчивых состояний, не упустят случая превратить данные врачом указания в объект бесконечного обдумывания и громогласными придирками будут оттягивать их исполнение хотя бы лишь для того, чтобы вывести врача из терпения. Только тогда, когда пациент видит, что врач не считает соблюдение этих мер обязательным условием (*sine qua non*), и не чувствует над собой угрозу безжалостного принуждения, он согласится разделить взгляды аналитика <…>.

«Гибкость аналитической техники» (1928)
(*Psychanalyse IV, Paris, Payot, 1982, p. 53–65*)

Ратуя теперь, чтобы не «обманывать» ожиданий пациента, за достаточно гибкую технику – технику, которая, как «эластичная лента», может «подчиняться устремлениям пациента», Ференци направляет свое внимание на работу контрпереноса аналитика во время лечения. Таким образом он подчеркивает значимость для аналитика второго фундаментального правила – необходимости анализа аналитика, который позволяет ему развить определенные психические качества, такие как «такт», «способность вчувствования» (эмпатия), самонаблюдение и интеллектуальная активность. Эти идеи побуждают Ференци подчеркнуть то, что он называет «метапсихологией психических процессов аналитика во время анали-

за», то есть процессов, позволяющих ему задавать себе вопросы о собственных психических движениях, слушая в то же время пациента.

<…> В психоаналитической технике есть еще много вещей, которые считаются чем-то сугубо индивидуальным, трудно выражаемым словами, прежде всего – тот факт, что в этой работе, как кажется, большое значение придается «совокупности личных свойств», большее, чем обычно допускается в науке. Сам Фрейд в первых своих сообщениях о технике, наряду со своим методом, оставлял свободное пространство для других приемов. Правда, об этом он заявил еще до того, как было сформулировано *второе фундаментальное правило психоанализа,* а именно, что *каждый, кто собирается анализировать других, прежде всего должен быть проанализирован сам.* С момента принятия этого правила значение индивидуальности аналитика все больше ослабевает. Любой человек, который был глубоко проанализирован и который научился полностью признавать и обуздывать свои неизбежные слабости и особенности характера, во время осмотра и лечения одних и тех же объектов психического исследования обязательно придет к одним и тем же объективным выводам, что и его коллеги, и в результате примет те же тактические и технические меры. Фактически я чувствую, что со времени внедрения второго

фундаментального правила различия в аналитической технике постепенно исчезают.

Если мы с вами попробуем решить оставшуюся еще нерешенной часть уравнения личности и если у нас есть возможность наблюдать многочисленных учеников и пациентов, уже проанализированных другими, но особенно если вам приходится так же, как мне, часто бороться с последствиями собственных ошибок, допущенных раннее, то у нас появляется право выносить общее суждение о большинстве этих различий и ошибок. Я убедился, что первоочередным вопросом психологического такта является понимание того, когда и как сообщать что-либо анализируемому пациенту, в какой момент можно считать, что полученного материала достаточно для выводов. <…> Но что такое такт? Ответ на этот вопрос не вызывает затруднений. *Такт – это способность «вчувствования»*[86]. Если нам удается, *при помощи нашего знания,* извлеченного из подробного анализа психики многих людей, но особенно из анализа самого себя, актуализировать возможные или вероятные ассоциации пациента, которых он пока еще не чувствует, мы можем – не борясь, как это приходится делать ему, с резистентностью – угадать не только его скрытые мысли, но и стремления, для него бессознательные. <…>.

[86] Einfühlung.

Во время анализа целесообразно постоянно следить за скрытыми или бессознательными проявлениями недоверия или отказа и затем обсуждать их со всей строгостью. Действительно, с самого начала понятно, что сопротивление пациента не оставит неиспользованным ни один из предоставляющихся ему случаев.

Любой без исключения пациент замечает самые незначительные особенности поведения врача, его внешнего вида, манеры говорить, но ни один из них не решается, без предварительного поощрения, сказать нам о них прямо в лицо, если даже он при этом полностью пренебрегает фундаментальным правилом анализа. <…>

В анализе нет ничего более пагубного, чем назидательное или просто авторитарное поведение врача. Все наши интерпретации должны иметь скорее характер предположения, нежели утверждения, и не только для того, чтобы не раздражать пациента, но и из-за того, что мы можем ошибаться. <…> Уверенность в наших теориях также должна быть достаточно условной, ибо в конкретном случае речь может идти об исключении из правил или даже о необходимости кое-что изменить в действующей теории. У меня был случай, когда один не слишком культурный пациент, на первый взгляд весьма наивный, выдвинул против моих объяснений возражения, которые я готов был тут же отвергнуть, но более внимательное

их рассмотрение показало, что не я, а пациент был прав, и его возражения даже помогли мне понять его в целом намного лучше. *Скромность аналитика, таким образом, является не заученным способом поведения, а выражением понимания ограниченности наших знаний.* <…>

Я принимаю для себя выражение «гибкость техники», придуманное одним пациентом. Мы должны, как эластичная лента, поддаваться стремлениям пациента, но не отказываться при этом от собственного мнения до тех пор, пока необоснованность той или иной нашей позиции не будет полностью доказана. <…>

Мало-помалу мы понимаем, до какой степени психическая работа, совершаемая аналитиком, действительно сложна. Мы позволяем свободным ассоциациям пациента воздействовать на нас и в то же время разрешаем собственной фантазии играть с ассоциативным материалом; между тем мы сравниваем новые связи с предыдущими результатами анализа, ни на минуту не забывая, что нужно учитывать и подвергать критике собственные тенденции.

Фактически можно говорить о непрерывном колебании между «вчувствованием», самонаблюдением и активностью вынесения суждений. Последняя заявляет о себе время от времени абсолютно спонтанно, в форме сигнала, который вначале мы не расцениваем иначе как таковой;

и только на основании дополнительного доказанного материала мы можем в конечном итоге принять решение об интерпретации. <…>

В заключение я рискнул бы высказать несколько соображений, касающихся метапсихологии техники. <…> Напомню здесь о проблеме, которая до настоящего времени никогда не поднималась, а именно о возможной метапсихологии психических процессов аналитика в процессе анализа. Его инвестиции колеблются между идентификацией (аналитической объектной любовью), с одной стороны, и самоконтролем, или интеллектуальной деятельностью – с другой. В течение долгого рабочего дня он не может доставить себе удовольствия дать волю своему нарциссизму и эгоизму, и лишь на короткое время он может предаться фантазиям. Не сомневаюсь, что такая перегрузка, с которой мы вместе с тем никогда не встречаемся в обычной жизни, потребует рано или поздно разработки особого режима для аналитика.

Легко распознать неанализированных (диких) аналитиков и не полностью излеченных пациентов по тому, что они страдают своего рода «влечением к анализу»; свободная подвижность либидо после завершенного анализа позволяет, наоборот, управлять при необходимости аналитическим самопознанием и самообладанием, которые никоим образом не мешают просто радоваться

жизни. Идеальным результатом завершенного анализа является, следовательно, именно эта гибкость, которой техника требует также от психиатра. Это еще один аргумент в пользу абсолютной необходимости «второго фундаментального правила психоанализа».

«Принцип релаксации и неокатарсис» (1930)

Доклад под заголовком «Прогресс аналитической техники», представленный на XI Международном психоаналитическом конгрессе в Оксфорде, август 1929 г. (*Psychanalyse IV, Paris, Payot, 1982, p. 82–90*)

В этом тексте Ференци опирается на технические новации – на так называемую технику «релаксации», или «неокатарсис», включающую почти неограниченную толерантность («принцип дозволенности») – с целью разработки своих концепций, касающихся теории травматизма, ибо эта новая техника анализа содействует появлению психических процессов, связанных с первичными травматическими «вытеснениями», и позволяет уловить саму природу последних. Она способствует регрессии и там, где отсутствует психическая память, делает возможным выражение телесного символизма. Смешение языка как следствие несоответствия между языком нежности ребенка и языком страсти взрослых, расщепление как следствие

первичной травмы, негативная галлюцинация, которая следует за расщеплением до компенсации через позитивную галлюцинацию, ненависть как средство фиксации, более сильное по сравнению с нежностью, а также значимость контрпереноса в анализе – вот несколько важных теоретических идей автора, затронутых в этой статье.

<…> Анализ не может считаться завершенным, по крайней мере с теоретической точки зрения, если в нем не удалось добыть мнестический травматический материал. И по мере того как подтверждается эта гипотеза, основывающаяся, как я уже сказал, на опыте, полученном терапией «релаксации», эвристическое значение техники, измененной таким образом, также заметно растет в теоретическом плане. После того как я уделил все должное внимание фантазматической деятельности как патогенному фактору, в последнее время мне пришлось все чаще заниматься самим патогенным травматизмом. Оказалось, что травматизм гораздо реже является результатом конституциональной, или врожденной гиперчувствительности детей, которые могут реагировать невротически даже на обычные и неизбежные дозы неприятностей, нежели результатом действительно неадекватного, даже жестокого, лечения. Истерические фантазии не обманывают, говоря нам о том, как далеко родители и другие взрослые

заходят в своих эротических страстях по отношению к детям и как, с другой стороны, если ребенок полубессознательно втягивается в эту игру, подвергают детей строгим наказаниям и угрожают им, что волнует и потрясает ребенка, оказывает на него шокирующий эффект и остается для него абсолютно непонятным. В настоящее время я вновь склонен придавать, наряду с эдиповым комплексом детей, *большее значение инцестуозной тенденции взрослых, вытесненной и подаваемой под маской нежности.* С другой стороны, я не могу отрицать, что готовность детей отвечать генитальному эротизму проявляется намного сильнее и раньше, чем мы привыкли думать. Возможно, большая часть извращений у детей не означает простой фиксации на предыдущем этапе, а объясняется регрессией к этапу, имеющему корни в ранней генитальной стадии. В некоторых случаях травма наказания причиняет ребенку боль прямо в момент эротического действия и рискует вызвать стойкое расстройство того, что Райх называет «способностью к оргазму». Но ребенок испытывает такой же страх тогда, когда его генитальные ощущения форсируются преждевременно, ибо то, чего реально хочет ребенок, даже касательно сексуальных аспектов, – это лишь игра и нежность, а не неистовое проявление страсти.

В то же время мы удостоверились, что лечение методом неокатарсиса дает материал для раз-

мышления и в другом плане. Оно позволяет нам получить представление о психическом процессе с момента первичного травматического вытеснения и увидеть саму природу вытеснения. Похоже, *первой реакцией на шок всегда является скоротечный психоз,* то есть разрыв с реальностью, с одной стороны – в форме негативной галлюцинации (потеря сознания или истерический обморок, головокружение), с другой стороны – часто в форме позитивной незамедлительной галлюцинаторной компенсации, создающей иллюзию удовольствия. Во всех случаях невротической амнезии, возможно также и при текущей детской амнезии, речь может идти о психическом расщеплении личности под воздействием шока, но эта отщепленная часть тайно выживает и старается проявить себя, не находя другого выхода, как, скажем, в виде невротических симптомов. <…>

Иногда, как я уже отметил, нам удается установить прямой контакт с вытесненной частью личности и вовлечь ее в то, что я назвал бы инфантильным превращением. При релаксации истерические телесные симптомы иногда возвращали к стадиям развития, на которых, вследствие неполной сформированности органа мышления, регистрировались лишь физические воспоминания. <…>

Я также констатировал, что вытесненная ненависть являлась средством фиксации и присоеди-

нения более сильным, чем откровенная нежность. Это то, что с предельной ясностью удалось выразить пациентке, доверие которой я сумел завоевать с помощью гибкой техники лишь к концу двух лет тяжелой борьбы с ее сопротивлением. <…> Пока она идентифицировала меня со своими жестокосердными родителями, пациентка постоянно демонстрировала свои вызывающие реакции, а когда я перестал давать ей к этому повод, она стала отличать настоящее от прошлого и после нескольких эмоциональных всплесков истерического характера начала вспоминать психические потрясения, которые ей пришлось претерпеть в детстве. *Схожесть аналитической ситуации с инфантильной подталкивает, таким образом, скорее к повторению, а контраст между ними способствует воспоминанию.*

Я сознаю, конечно, что эта двойная тактика фрустрации и попустительства обязывает самого аналитика к усиленному контролю своего контрпереноса и контррезистентности. Несдержанные влечения ведут к ситуации, когда даже вдумчивые воспитатели и родители вовлечены в злоупотребления в том и другом плане. Нет ничего легче, чем под прикрытием требований фрустрации, предъявляемых пациентам и детям, удовлетворять свои собственные скрытые садистские наклонности; впрочем, чрезмерные формы и обилие нежности к пациентам и детям могут служить больше

собственным либидинозным тенденциям, возможно бессознательным, чем благополучию тех, кем мы занимаемся. Эти новые и трудные условия предоставляют еще более твердый аргумент в пользу того, о чем я часто и настойчиво говорил, а именно необходимости для психоаналитика доводить анализ до самых глубин, что позволило бы ему контролировать особенности своего собственного характера.

«Смешение языка взрослых и ребенка. Язык нежности и страсти» (1932)

Сообщение, сделанное на XII Международном психоаналитическом конгрессе в Висбадене, сентябрь 1932 г.
(*Psychanalyse IV, Payot, Paris, 1982, p. 125–135*)

Благодаря «смешению языка», вытекающему из оппозиции того, что является нежным в эротизме ребенка, и того, что является страстным в эротизме взрослых, Ференци описывает здесь возбужденного и безоружного ребенка, который, не имея в своем распоряжении ни средств разгрузки, ни средств переработки, находится в полном отчаянии под воздействием травмы. Эта картина позволяет Ференци выдвинуть понятия идентификации с агрессором, интроекции ребенком чувства вины взрослого и терроризма страдания.

Инцестуозное соблазнение происходит обычно так: взрослый и ребенок любят друг друга; у ребенка возникает игровая фантазия сыграть роль матери в отношении взрослого. Эта игра может принять эротическую форму, но все же остается на уровне нежности. Иное происходит со взрослыми, имеющими психопатологическую предрасположенность, особенно если их душевное равновесие или самоконтроль были нарушены каким-нибудь несчастьем, приемом наркотиков или токсических веществ. Они принимают игры детей за желания индивидуума, достигшего половой зрелости, и втягиваются в сексуальные действия, не думая о последствиях. Реальные изнасилования девочек, только что перешагнувших порог раннего детства, сексуальные отношения между взрослыми женщинами и мальчиками, а также принуждение к гомосексуальным актам случаются часто.

Трудно представить состояние и чувства детей после таких насильственных актов. Первой их реакцией должен бы быть отказ, ненависть, отвращение и яростное сопротивление: «Нет, нет, не хочу, слишком сильно, больно, оставь меня!». Такой или похожей на это была бы сиюминутная реакция, если бы она не была ингибирована сильным страхом. Дети чувствуют себя физически и морально беззащитными, их личность еще очень слаба, чтобы протестовать даже в мыслях, подавляющая сила и авторитет взрослых заставляют

их молчать и могут даже привести их к потере всякой веры. *Но этот страх, достигая кульминационного момента, заставляет детей автоматически подчиниться воле агрессора, угадывать его малейшие желания, уступать, полностью забыть о себе и идентифицироваться с агрессором.* Путем идентификации, то есть интроекции агрессора, тот исчезает как внешняя реальность и становится внутрипсихическим; но то, что является внутрипсихическим, будет подвергнуто – в состоянии похожем на сон, каковым является травматический транс, – первичному процессу, то есть может, следуя принципу удовольствия, быть смоделировано и трансформировано позитивным или негативным галлюцинаторным способом. Так или иначе, агрессия перестает существовать как внешняя и застывшая реальность, и в течение травматического транса ребенку удается сохранять предыдущую ситуацию нежности.

Но значительное изменение, спровоцированное в уме путем тревожной идентификации со взрослым партнером, – это интроекция чувства вины взрослого; игра, до этого момента безобидная, предстает теперь как акт, заслуживающий наказания.

Если ребенок приходит в себя после такой агрессии, он находится в сильнейшем замешательстве; собственно говоря, он уже расщеплен – одновременно невиновен и виноват, а уверенность

в своих собственных чувствах подорвана. К этому добавляется грубое поведение взрослого, раздраженного и мучимого угрызениями совести, что заставляет ребенка еще сильнее осознавать свою вину и еще больше стыдиться. Почти всегда агрессор ведет себя так, будто ничего не случилось, и тешит себя мыслью: «Да он всего лишь ребенок, он ничего не понимает и все забудет». Мы часто видим, как после такого события соблазнитель начинает придерживаться строгой морали или религиозных принципов, стараясь суровостью, проявляемой к ребенку, спасти его душу. <…> Ребенок, подвергшийся насилию, автоматически становится существом послушным или упрямым, но он уже не способен дать себе отчет о причинах такого поведения. Его сексуальная жизнь не развивается или принимает извращенные формы; мы уж не говорим о неврозах и психозах, которые могут последовать из этого. Важной, с научной точки зрения, является для нас гипотеза о том, что *слаборазвитая личность реагирует на внезапную неприятность не защитой, а тревожной идентификацией и интроекцией того, кто угрожает ей или нападает на нее.* Я только сейчас понимаю, почему мои пациенты с таким упорством отказываются слушать меня, когда я советую им реагировать на случившуюся с ними несправедливость, как следовало бы ожидать, ненавистью или защитой. Часть их личность, возможно, даже

ее ядро, осталась зафиксированной на определенном моменте и определенном уровне, на котором аллопластические реакции были еще невозможны и на котором, при помощи своего рода мимикрии, реагируют аутопластически. Это приводит к такой форме личности, которая состоит только из Оно и Сверх-Я и которая, следовательно, в случае неприятности, не способна должным образом проявить себя, подобно ребенку, который не достигнув еще полного развития, не способен терпеть одиночество, если лишен материнской защиты и достаточного количества нежности. Здесь следует сослаться на некоторые давно разработанные Фрейдом идеи, где он подчеркивал тот факт, что стадия идентификации предшествовала способности чувствовать объектную любовь. Я бы определил эту стадию как стадию пассивной объектной любви, или стадию нежности. Черты объектной любви могут тогда уже проявиться, но только как фантазия, в игровой форме. Так, например, почти все дети играют в то, чтобы занять место родителя своего пола, но это происходит, как мы должны хорошо помнить, только в воображении. В реальности они не хотели бы, да и не могли лишиться нежности, особенно материнской. Если в этой фазе нежности детям навязывается слишком много любви или любовь, отличная от той, которую они ждут, это может вызвать те же патогенные последствия, что и лишение любви, о котором

мы говорили выше. Мы бы зашли слишком далеко, если бы стали здесь говорить обо всех неврозах и характерологических последствиях, которые могут вытекать из преждевременной прививки еще не достигшему зрелости невинному существу некоторых форм страстной любви, наполненной чувством вины. Последствием может стать то смешение языка, на которое я указал в заглавии этого доклада. <…>

Наравне со страстной любовью и страстными наказаниями существует третий способ привязать к себе ребенка, а именно *терроризм страдания*. На детей возлагается обязанность улаживать семейные конфликты, и они несут на своих слабых плечах бремя ответственности за всех остальных членов семьи. Конечно, они делают это не совсем бескорыстно, а для того, чтобы вновь обрести исчезнувшие мир и покой и проистекающую из них нежность. Мать, которая постоянно жалуется на свои страдания, может превратить своего ребенка в сиделку, то есть сделать из него настоящего материнского заместителя, совершенно при этом не учитывая собственные интересы ребенка.

Если вышесказанное подтвердится, нам, очевидно, придется пересмотреть некоторые разделы сексуальной и генитальной теории. Извращения, например, являются, скорее всего, инфантильными, если только остаются на уровне нежнос-

ти; когда они наполняются осознанной страстью и виной, они, возможно, свидетельствуют уже об экзогенном происхождении, о вторичном невротическом преувеличении. В своей теории генитальности я не учел этого различия между фазой нежности и фазой страсти. Какая часть садомазохизма в современной сексуальности является культурно обусловленной (другими словами, имеет в качестве источника лишь интроецированное чувство вины), и какая часть, являющаяся природной, развивается как фаза собственной организации? Но это уже тема для дальнейших исследований.

Научное издание

Серия «Библиотека психоанализа»

Тьерри Бокановски

ШАНДОР ФЕРЕНЦИ

Редактор – *Е. Ю. Рыжова*
Оригинал-макет, верстка и обложка – *С. С. Фёдоров*
Дизайн серии – *П. П. Ефремов*

ИД № 05006 от 07.06.01
Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-61-02
E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru
www.cogito-centre.com

Сдано в набор 01.04.13. Подписано в печать 10.04.13
Формат 70×100/32. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура ITC Charter. Печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,53. Уч.-изд. л. 5,6
Тираж 1200 экз. Заказ .

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, МО, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

Книги издательства «Когито-Центр»
в серии «Библиотека психоанализа»

Маргерит А. Сешей

Дневник шизофренички: Самонаблюдения больной шизофренией во время психотерапевтического лечения

М.: Когито-Центр, 2013. 203 с.
ISBN 978-5-89353-389-7

Случай молодой девушки, которую врачи отнесли к больным шизофренией и которая излечилась, пройдя курс психоаналитической терапии, описан со стороны самой пациентки, ее самонаблюдений относительно того, что прячется за ее симптомами и поступками. Познакомившись с откровениями Рене, которые свидетельствуют об удивительной ясности ее сознания, не надо забывать, что они воспроизводят лишь определенные периоды заболевания, по счастью, самые интересные с психологической точки зрения.

Жан-Мишель Кинодо

Читая Фрейда:
изучение трудов Фрейда
в хронологической перспективе

М.: Когито-Центр, 2012. 416 с.
ISBN 978-5-89353-352-1

В основу данной книги положен опыт проведения семинара по изучению трудов Зигмунда Фрейда, организованного Жан-Мишелем Кинодо в 1998 году в рамках подготовки специалистов в Психоаналитическом центре им. Раймона де Соссюра (Женева). Каждая глава книги посвящена отдельному произведению Фрейда, причем хронологический принцип изложения позволяет читателю представить ход мысли основателя психоанализа, а системность подачи материала формирует целостное впечатление об изучаемой работе. Помимо обсуждения самого изучаемого произведения, дается краткая информация о социально-исторических условиях его написания, излагаются соответствующие по времени факты жизни самого Фрейда, значимых для психоанализа фигур и наиболее известных пациентов, выделяются основные понятия, введенные Фрейдом в данной работе, а также прослеживается судьба этих понятий в хронологической перспективе и в трудах постфрейдистов. Отдельное место в книге уделено изложению принципов активного изучения творчества Фрейда.

Робин Андерсон (ред.)

Клинические лекции по Кляйн и Биону

Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2012. 192 с.
ISBN 978-5-89353-342-2

Статьи ведущих кляйнианских аналитиков, представленные в данном сборнике, знакомят читателя с тем, как развиваются сегодня идеи Мелани Кляйн и Уилфреда Биона и как эти идеи воплощаются в клинической практике. Авторы статей дают возможность «присутствовать» на аналитических сессиях и наблюдать работу с пациентами – детьми и взрослыми – с различной психопатологией. Это позволяет тем, кто изучает психоанализ и стремится к освоению и совершенствованию психоаналитической техники, обучаться мастерству проникновения в бессознательный материал и способам его интерпретации.

Рональд Бриттон, Майкл Фельдман, Эдна О'Шонесси

Эдипов комплекс сегодня: Клинические аспекты

Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2012. 159 с.
ISBN 978-5-89353-339-2

В наше время идут споры о том, является ли эдипов комплекс в самом деле универсальным, занимает ли он центральное положение, следует ли его рассматривать как «комплекс, составляющий ядро развития», ведь известен клинический факт, что бывают долгие периоды в анализе, возможно, как утверждают некоторые, даже целые случаи анализа, в которых эдипального материала очень мало или нет вовсе. В книге помещена работа Мелани Кляйн (1945), а также развивающие ее идеи доклады Р. Бриттона, М. Фельдмана и Э. О'Шонесси на конференции по проблемам эдипова комплекса (1987). В сочетании с вводной статьей Ханны Сигал данный подбор текстов дает объемную картину того, как изменились взгляды психоаналитиков на эдипов комплекс.

Маргарет Малер, Фред Пайн, Анни Бергман

Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация

Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2011. 413 с.
ISBN 978-5-89353-333-0

В книге рассмотрены вопросы психологического рождения ребенка, которое в отличие от биологического представляет собой медленно разворачивающийся интрапсихический процесс. В основе сформулированной в книге новой периодизации психического развития младенца лежат эмпирические данные, полученные авторами посредством оригинальной методологии лонгитюдного наблюдения. В центре внимания авторов – процессы нормальной сепарации–индивидуации, которые рассматриваются как две взаимодополняющие линии развития. Детально описываются субфазы сепарации–индивидуации в процессе выполнения возрастных задач, которые встают перед ребенком и его матерью по мере движения ребенка к собственной индивидуальности.

Роберт Столороу, Бернард Брандшафт, Джордж Атвуд

Клинический психоанализ: Интерсубъективный подход

Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2011. 256 с.
ISBN 978-5-89353-329-3

Данная книга – результат многолетней совместной работы современных американских психоаналитиков Роберта Столороу, Бернарда Брандшафта и Джорджа Атвуда, которые развили концепцию интерсубъективного поля в качестве центрального объяснительного конструкта, направляющего психоаналитическую теорию, практику и исследование; авторы применили интерсубъективный подход к широкому классу клинических явлений: переносу, сопротивлению и психическому конфликту, а также к психотерапии пограничных и психотических состояний.

Шарфф Дэвид Э.

Сексуальные отношения:
Секс и семья с точки зрения теории объектных отношений

М.: Когито-Центр, 2012. 304 с.
ISBN 978-5-89353-213-5

Эта книга – подробное, ясное, хорошо выстроенное введение в психодинамику любви и сексуальных отношений. В ней осуществлена интеграция идей классического психоанализа и теории объектных отношений касательно роли сексуальности в человеческих отношениях. Психосексуальное развитие индивидуума, рассмотренное от младенчества до старости, соотнесено с жизненным циклом семьи. Поведенческая методика сексуальной терапии обогащена пониманием бессознательной коммуникации и психоаналитической техникой лечения разговором.

Эта книга адресована широкому кругу специалистов: прежде всего психоаналитическим терапевтам, супружеским и семейным психотерапевтам и сексопатологам, а также психологам-консультантам, клиническим психологам и психиатрам.

Карлос Немировский

Винникотт и Кохут: Новые перспективы в психоанализе, психотерапии и психиатрии

М.: Когито-Центр, 2010. 233 с.
ISBN 978-5-89353-323-1

Карлос Немировский исследует многочисленные расхождения в теориях приверженцев А. Фрейд–М. Кляйн, с одной стороны, и приверженцев Д. Винникотта–Х. Кохута, с другой. Основные из них следующие: 1) отношение к инстинкту смерти; 2) отношение к роли матери; 3) отношение к инстинкту самосохранения; 4) отделение первичных потребностей младенца от влечений; 5) отличие истинной самости от ложной.

Книга будет полезна специалистам по психоанализу, студентам психологических вузов и всем тем, кто интересуется вопросами развития психологической науки.

Юлия Кристева

Черное солнце: Депрессия и меланхолия

М.: Когито-Центр, 2010. 278 с.

ISBN 978-5-89353-326-2

Юлия Кристева – французский лингвист и психоаналитик лакановской школы, профессор университета Париж-VII – описала меланхолическое состояние, порожденное нашей системой самосохранения, как некое «присутствие» во внутреннем мире депрессивных пациентов, используя образ «черного солнца». Это внутреннее присутствие на самом деле является отсутствием, «светом без изображения», «самым архаичным выражением несимволизируемой, неименуемой нарциссической раны», которая становится единственным объектом, которому принадлежит индивид, которому он покоряется и которого он нежно любит за недостатком каких-либо других.

Автор строит свои размышления на материале художественной литературы и живописи разных эпох и народов. Тонкие наблюдения автора, детальный и своеобразный анализ произведений искусства вызовут интерес широкого круга читателей.

Джоан Симингтон, Невилл Симингтон

Клиническое мышление Уилфреда Биона

М.: Когито-Центр, 2010. 285 с.

ISBN 978-5-89353-324-8

В книге рассматривается концепция одного из самых глубоких мыслителей в истории психоанализа – У. Биона. Через призму психоаналитической практики, а также с привлечением анализа личности и биографии Биона анализируются введенные им теоретические конструкты и созданный им фундаментальный инструмент психоаналитического исследования – Таблица. Книга призвана помочь читателю глубже понять идеи У. Биона в их структурном единстве.

Джон Стайнер

Психические убежища: Патологические организации у психотических, невротических и пограничных пациентов

М.: Когито-Центр, 2010. 239 с.

ISBN 978-5-89353-325-5

«Психические убежища» – это душевные состояния, в которые пациенты прячутся, скрываясь от тревоги и психической боли. При этом жизнь пациента становится резко ограниченной и процесс лечения «застревает». Адресуя свою книгу практикующему психоаналитику и психоаналитическому психотерапевту, Джон Стайнер использует новые достижения кляйнианского психоанализа, позволяющие аналитикам осознавать проблемы лечения тяжелобольных пациентов. Автор изучает устройство психических убежищ и, применяя обстоятельный клинический материал, исследует возможности аналитика в лечении пациентов, ушедших от реальности.

Эро Рехардт

Ключевые проблемы психоанализа: Избранные труды

М.: Когито-Центр, 2009. 331 с.

ISBN 978-5-89353-275-3

Эро Рехардт принадлежит к первому поколению финских психоаналитиков. Он внес значительный вклад в развитие психоанализа в Финляндии, в Восточной Европе и в мире в целом. Его книги переведены на многие языки и известны в ряде стран. Работы Рехардта посвящены решению важнейших вопросов теории психоанализа.

Отто Ранк

Травма рождения и ее значение для психоанализа

М.: Когито-Центр, 2009. 239 с.

ISBN 978-5-89353-286-9

В своей фундаментальной работе классик психоанализа подробно разбирает неизбежный и самый глубокий травматический опыт в жизни каждого человека – травму рождения. В ней он видит важнейший элемент психического развития, а также корень всех страхов и неврозов, и рассматривает желание вернуться во внутриутробное состояние как основополагающую силу, управляющую психической жизнью индивида. На этом основании он формулирует главную цель психотерапии – помочь пациенту заново пережить эту травму и справиться с тревогой, связанной с отделением от матери.

Жан-Мишель Кинодо

Приручение одиночества: Сепарационная тревога в психоанализе

М.: Когито-Центр, 2008. 254 с.

ISBN 978-5-89353-238-8

В «Приручении одиночества» Жан-Мишель Кинодо представляет всесторонний подход к переживаниям одиночества как универсального явления, которое можно наблюдать и в повседневной жизни, и в любой терапевтической ситуации. Автор описывает различные формы сепарационной тревоги, подробно рассматривает основные психоаналитические подходы к случаям ее проявления, исследует некоторые технические и клинические аспекты проблем, возникающих при ее интерпретации.

Уилфред Р. Бион

Научение через опыт переживания

М.: Когито-Центр, 2008. 128 с.

ISBN 978-5-89353-257-9

Проблемы, рассматриваемые в книге, имеют фундаментальное значение для понимания процесса научения. Описывается эмоциональный опыт автора, непосредственно связанный как с теориями познания, так и с клиническим психоанализом, причем акцент делается на практическом применении. В частности, в книге рассматриваются такие вопросы, как отношение проективной идентификации к генезу мышления, роль оральных переживаний в создании модели мышления, проблемы абстрагирования (генерализации) и конкретизации (наименования) и др.

Уилфред Р. Бион

Элементы психоанализа

М.: Когито-Центр, 2008. 127 с.

ISBN 978-5-89353-279-1

Вторая книга У. Р. Биона в серии его философо-эпистемологических психоаналитических работ представляет собой очередную (после «Научения через опыт переживания») попытку теоретически осмыслить основные психоаналитические категории, представляя их в абстрактной форме, позволяющей корректно выходить за рамки какой-либо одной из существующих в психоанализе школ и направлений и раскрывающей природу возникновения самих этих направлений. Детально описана Таблица – основной инструмент формирования и интеграции психоаналитиком концептуальной схемы своей теоретической и клинической работы в общую систему психоаналитического научного знания.

Дэвид Э. Шарфф, Джилл С. Шарфф

Терапия пар в теории объектных отношений

М.: Когито-Центр, 2008. 384 с.
ISBN 978-5-89353-201-2

В книге, написанной ведущими специалистами в области теории и практики объектных отношений Дэвидом и Джилл Шарфф, рассматриваются такие центральные для терапии пар проблемы, как проективная идентификация в норме и патологии, использование контрпереноса в интерпретации переноса, его место в теории объектных отношений. Основным достижением авторов является понимание сексуальности как сильно сконцентрированных, неосознанных объектных отношений, которые отыгрываются партнерами (и интерпретируются психотерапевтом) во время терапевтического сеанса. Эта книга вносит большой вклад в психоаналитическое понимание парной и семейной терапии и является прекрасным пособием для консультантов и клиницистов, занимающихся этой деятельностью.

Карл Абрахам, Эдвард Гловер, Шандор Ференци

Классические психоаналитические труды

М.: Когито-Центр, 2008. 223 с.
ISBN 978-5-89353-265-4

В книге представлены работы, охватывающие все основные проблемы теории и техники психоанализа: от метапсихологии и теории развития до защитных сопротивлений, а также терапии разного типа патологии. Без их внимательного изучения базовое психоаналитическое образование нельзя считать полным.

Дэвид Э. Шарфф, Джилл С. Шарфф

Основы теории объектных отношений

М.: Когито-Центр, 2008. 304 с.
ISBN 978-5-89353-266-1

В книге известные специалисты в области теории и практики терапии объектных отношений Дэвид и Джилл Шарфф отвечают на вопросы, связанные с этим бурно развивающимся направлением. Рассматриваются история становления, основные положения и понятия теории объектных отношений, возможности ее интеграции с другими подходами, варианты ее применения в рамках индивидуальной, групповой, супружеской и семейной терапии. Анализируются феномены переноса и контрпереноса, фрейдистская теория, теория привязанности, теория хаоса. Приводятся конкретные примеры, иллюстрирующие как теоретические, так и практические аспекты применения теории объектных отношений. Предлагаются различные модели, методы и техники психотерапевтической работы.

Антон Крис

Свободные ассоциации: Метод и процесс

М.: Когито-Центр, 2007. 159 с.
ISBN 978-5-89353-197-8

В книге «Свободные ассоциации: Метод и процесс» А. Крис предлагает читателю удивительно ясное и доступное изложение психоаналитической техники. Опираясь на свой богатый опыт практикующего психоаналитика и психотерапевта, он раскрывает то влияние, которое испытал метод классического психоанализа со стороны современных представлений о внутренних конфликтах, явлениях переноса и контрпереноса, а также взглядов на психическое развитие в целом. Эта книга, изобилующая клиническими примерами, несомненно, будет полезна не только начинающим, но и практикующим психоаналитикам и психотерапевтам.

Фрэнк Л. Саммерс

За пределами самости:
Модель объектных отношений
в психоаналитической терапии

М.: Когито-Центр, 2007. 287 с.

ISBN 978-5-89353-164-0

Эта книга адресована практикующим клиницистам, заинтересованным в усвоении полезных идей для лечения пациентов. Автор излагает теоретическую модель и успешный терапевтический опыт выхода за пределы самости, т. е. модель того, как психоаналитик может помочь пациенту превзойти его ограничения.

Леон Гринберг, Дарио Сор,
Элизабет Т. де Бьянчеди

Введение в работы Биона

М.: Когито-Центр, 2007. 158 с.

ISBN 978-5-89353-202-9

Данная книга представляет собой итог восьмилетней работы группы психоаналитиков, занимавшихся систематическим изучением наследия В. Р. Биона, одного из крупнейших и наиболее сложных для понимания представителей современного психоанализа. Бион придал новое измерение психоаналитической теории и практике, сохранив наиболее значимые вклады классиков – З. Фрейда и М. Кляйн. Несмотря на необычайную сложность и своеобразие авторского стиля, идеи и метод Биона помогают исследователю настроиться на творческий лад, использовать здравый смысл и интуицию, а также достичь состояния, которое можно назвать «состоянием открытия». В книге предпринята попытка изложения наиболее важных идей Биона, чтобы сделать их доступными широкому кругу специалистов различных областей психологии, философии, социологии и др.